

12+

Юрий Драздов

*Класс: ковер-самолет.
Книга 4*

Юрий Драздов

Класс: ковер-самолет. Книга 4

«Издательские решения»

Драздов Ю.

Класс: ковер-самолет. Книга 4 / Ю. Драздов — «Издательские решения»,

В Городе Ткачей, где старая мебель обретает душу, а игроки бессмертны, ковёр Рувим теряет всё: друзей, память и свою жену — швабру Эллу. Её частица тает в его пыли, и спасти её может лишь чудо. Чтобы воскресить любовь, Рувиму предстоит пройти сквозь ржавые петли, забытые вёдра и алгоритмический ад. Он сразится с Пылесосом, Антивирусом и Редактором Памяти, чтобы ценой остатков себя нажать ту самую красную кнопку. Это история о том, что даже в мире чистого кода любовь — самый страшный баг.

© Драздов Ю.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1: Мастерская Протезов	6
Часть 1. Город молчащих петель	7
— — Часть 2. Скелеты сервантов	10
— — Часть 3. Сломанный Станок	13
— — Часть 4. Цена — первый гвоздь	15
— — Часть 5. Ожившее древко	18
Глава 2: Остров Забытых Вёдер	23
Часть 1. Зов из глубины	24
Часть 2. Лестница в никуда	27
Часть 3. Плот из собственных складок	29
Часть 4. Тишина и голоса под водой	31
Часть 5. Остров ржавых обручей	33
Часть 6. Капитан Ведро	34
Часть 7. Впитывание	36
Часть 8. Возвращение через пустоту	38
Часть 9. Клиффхэнгер: Дар воды	40
Глава 3: Битва с Капитаном Ведром	43
— — Часть 1. Берег из ржавых обручей	44
— — Часть 2. Тишина, которая дышит	46
— — Часть 3. Глаза из синего света	48
— — Часть 4. Вода, которая помнит	51
— — Часть 5. Первый удар	52
— — Часть 6. Танец с ржавчиной	53
— — Часть 7. Второй удар	55
— — Часть 8. Последняя атака	56
— — Часть 9. Дар воды	58
— — Часть 10. Возвращение и тишина	60
Глава 4. Обретение сердца	63
— — Часть 1. Хрустальное безмолвие	64
— — Часть 2. Дорога сквозь собственное тело	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Класс: ковер-самолет. Книга 4

Юрий Драздов

© Юрий Драздов, 2026

ISBN 978-5-0070-3486-9 (т. 4)

ISBN 978-5-0070-3133-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1: Мастерская Протезов

Часть 1. Город молчащих петель

Рассвет на окраинах Города Ткачей не был похож на рассвет в других местах. Здесь небо оставалось серым, каким было ночью, — только чуть-чуть светлело на востоке, там, где за холмами лежали Поля Битых Стёкол, а за ними — бескрайняя, ничейная пустошь. Воздух пах ржавчиной, старым маслом и ещё чем-то, что не поддавалось описанию. Может быть, тысячами забытых вещей, которые когда-то были нужны, а теперь лежали в кучах хлама, дожидаясь, когда их разберут на запчасти. Может быть, самой тишиной — той особенной, предрассветной тишиной, когда даже крысы спят, а ветер боится шевельнуться, чтобы не разбудить тех, кто живёт в темноте.

Рувим выползал на окраину города медленно, тяжело, почти невероятно. Каждый сантиметр давался с трудом, как победа в маленькой войне. Его правый край — уцелевший, острый, но ослабленный после боя зрителями — отталкивался от острых камней, и каждый толчок отзывался болью в каждой нити, в каждой трещине, в каждой пылинке. Левый край — обгоревший, почти разрушенный, который он когда-то использовал, чтобы убить генерала на Мосту Вздохов, — волочился сзади, как крыло подбитой птицы, как прицеп, как мёртвый груз. Он почти не чувствовал его — боль притупилась после той странной сделки со Станком в Городе Врачей-Кроватей, — но знал: край умирал. Ещё несколько дней — и он отвалится, превратившись в пыль, в ничто, в забвение.

Внутри него, в самой глубине пыли, пульсировала частица Эллы. Слабо, едва заметно, как звезда перед рассветом, как надежда, которая умирает, но не сдаётся. Она не могла говорить — не было сил. Но иногда — редко, очень редко — она передавала импульс. Короткий, почти неразличимый, похожий на вздох, на скрип, на шёпот. И в этих импульсах Рувим чувствовал то, что система не могла перевести в цифры: боль, страх, надежду и любовь — всё сразу, переплетённое в один тугой, пульсирующий комок.

Сегодня утром она передала импульс сильнее, чем обычно. Он был похож на укол — острый, короткий, невыносимый. И в нём было не просто «я здесь» — в нём было «мне больно. моё тело. его нет. я теку. я рассыпаюсь. помоги».

Рувим остановился. Прижался к холодной, покрытой копотью стене полуразрушенного здания, которое когда-то, возможно, было складом, и закрыл несуществующие глаза.

«Я знаю, — мысленно ответил он, хотя не был уверен, слышит ли она. — Я знаю, что тебе больно. Я знаю, что ты рассыпаешься. Я знаю, что у нас мало времени. Я ищу. Я найду. Обещаю».

Она не ответила. Но её частица замерцала чуть ярче — золотистым, тёплым, почти живым светом. Этого было достаточно.

Системное сообщение, висевшее перед его внутренним взором последние несколько часов, обновилось:

«ЧАСТИЦА ЭЛЛЫ: СТАТУС — ГИБЕРНАЦИЯ (НЕСТАБИЛЬНАЯ). ТАЙМЕР ДО РАССЕЙВАНИЯ БЕЗ МАТЕРИАЛЬНОГО НОСИТЕЛЯ: 31 ЧАС 44 МИНУТЫ. РЕКОМЕН-

ДУЕТСЯ НЕМЕДЛЕННОЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ В МАСТЕРСКУЮ ПРОТЕЗОВ. ЛОКАЦИЯ: 400 МЕТРОВ К СЕВЕРО-ВОСТОКУ».

Тридцать один час. Рувим смотрел на эту цифру и не верил ей. Не потому, что система врал — система никогда не врал. Она просто не говорила всей правды. Она не говорила, что даже с материальным носителем процесс восстановления займёт дни, а может быть, недели. Она не говорила, что носитель должен быть идеальным — с идеальной памятью, с идеальной формой, с идеальной душой (если у древка может быть душа). Она не говорила, что шанс найти такой носитель в заброшенном городе, где уже много лет никто не чинил мебель, стремится к нулю.

Но у него не было выбора. Выбор — это роскошь, которую могут позволить себе те, у кого есть время. А у него времени не было.

Он пополз дальше.

— —

Город молчащих петель — так называли эту окраину старые кровати, которые когда-то жили здесь. Название прижилось не случайно: повсюду, куда ни глянь, висели петли. Дверные петли, оконные петли, петли от старых, разошедшихся шкафов, петли от сундуков, которые никто не открывал годами. Они висели на стенах, на заборах, на деревьях (если деревья здесь можно было назвать деревьями — скрюченные, без листьев и коры, похожие на пальцы утопленников, торчащие из земли). Они висели и молчали. Никто не скрипел, не звенел, не шевелился. Они просто были — как память о том, что когда-то здесь кипела жизнь, а теперь осталась только тишина.

Рувим полз по узкой, извилистой улочке, вымощенной битым стеклом и ржавыми пружинами. Стекло хрустело под его ворсом, оставляя мелкие, почти незаметные царапины. Система каждый раз фиксировала микро-урон:

«ПРОЧНОСТЬ: 0.85% → 0.849% → 0.848%».

Это было ничтожно мало. Но Рувим знал: даже такая мелочь имеет значение, когда ты на грани. Когда каждая пылинка на счету. Когда от тебя осталось меньше, чем от старой, выброшенной тряпки.

Он миновал три перекрёстка. На каждом — указатели. Деревянные, выцветшие, с надписями, которые время и дожди стёрли почти до полной нечитаемости. «Рынок запчастей — прямо», «Кузница гвоздей — налево», «Мастерская протезов — направо». Рувим повернул направо. Там, в конце улочки, за грудой битых ящиков и ржавых петель, смутно угадывалось здание — низкое, длинное, с выцветшей вывеской, на которой ещё можно было разобрать несколько букв.

Он подполз ближе. Вывеска была деревянной, но не простой — покрытой тонким слоем какого-то металла, который не ржавел и не выцветал. На ней было вырезано:

«МАСТЕРСКАЯ ПРОТЕЗОВ. ДОРОГО. АНОНИМНО. ДЛЯ ЛЮБОЙ МЕБЕЛИ. ЛЮБОЙ СЛОМАННОСТИ. ЛЮБОЙ БЕЗНАДЕЖНОСТИ. ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА ТЕХ, КОГО НЕКОМУ ЧИНИТЬ».

Под надписью — мелкие, почти невидимые буквы: «Основана в год основания Города Ткачей. Закрыта за ненадобностью. Вход свободный, но выход — нет».

Рувим почувствовал, как его пыль сжалась — не от страха, от предчувствия.

«Вход свободный, но выход — нет». Он не знал, что это значит. Может быть, угроза. Может быть, предупреждение. Может быть, просто старая шутка, которую мастера любили рассказывать своим клиентам. Но он знал одно: у него нет выбора. Выбора никогда не было. Только путь вперёд. Или смерть.

Он толкнул дверь краем. Дверь не поддалась — она была заперта. Не на ключ — на засов. Тяжёлый, ржавый, покрытый слоем пыли, которая не поднималась в воздух, даже когда он коснулся её.

«ЗАСОВ: ТРЕБУЕТСЯ СИЛА 10 ЕД. ДОСТУПНО: 0 ЕД. (ПЫЛЬ). АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ВХОД: ВЕНТИЛЯЦИЯ (СПРАВА, 2 МЕТРА)».

Рувим посмотрел направо. Вентиляционная решётка — старая, ржавая, с двумя выпавшими прутьями — зияла чёрной, пустой дырой. Изнутри пахло плесенью, крысиным помётом и чем-то ещё — чем-то, что не поддавалось описанию. Может быть, старым, забытым временем. Может быть, смертью. Может быть, просто пылью.

Он просочился внутрь. Вентиляционный короб был узким, тесным, почти впритык. Его ворс царапался о ржавые стены, и система фиксировала микро-урон с каждым сантиметром. Но он полз. Он всегда полз, когда нужно было идти. Даже когда не мог. Даже когда умирал. Даже когда забывал, зачем он здесь.

Он вывалился из вентиляции через несколько минут. Или через несколько часов — он потерял счёт времени. Упал на холодный, каменный пол и замер, чувствуя, как его пыль медленно, очень медленно, восстанавливается.

«ВЫ В МАСТЕРСКОЙ ПРОТЕЗОВ. СТАТУС ПОМЕЩЕНИЯ: ЗАБРОШЕНО. НАЛИЧИЕ АРТЕФАКТОВ: 78 ЕД. (НЕИДЕНТИФИЦИРОВАННЫХ). УРОВЕНЬ ОПАСНОСТИ: НИЗКИЙ. РЕКОМЕНДУЕТСЯ ОСМОТР».

Он поднял голову (условно) и осмотрелся.

— — Часть 2. Скелеты сервантов

Мастерская была огромной. Потолок терялся в темноте, и вместо стен здесь стояли стеллажи. Десятки, сотни стеллажей, уходящих вверх, насколько хватало глаз. На них, как на полках в музее, лежали протезы. Ножки для стульев — резные, прямые, с бронзовыми наконечниками, и простые, деревянные, ничем не примечательные. Пружины для кроватей — маленькие, тугие, и огромные, в руку толщиной, которые могли выдержать вес десяти игроков. Древки для швабр — гладкие, полированные, покрытые лаком, и грубые, необработанные, пахнущие свежей древесиной. Крючки для вешалок — острые, тупые, изогнутые, прямые, с серебряным напылением и без.

Всё это было покрыто пылью. Толстым, серым, мёртвым слоем, который не поднимался в воздух, даже когда Рувим проползал мимо. Пыль лежала на протезах, как саван, как память, как прощание. Она помнила тех, кто когда-то работал здесь. Тех, кто чинил мебель, когда мебель ещё не была живой. Тех, кто ушёл и не вернулся.

Рувим полз между стеллажами, и его ворс впитывал частицы этой древней, мёртвой пыли. Система фиксировала изменения:

«ПОГЛОЩЕНО: 0.001% ДРЕВНЕЙ ПЫЛИ (НЕАКТИВНОЙ). ЭФФЕКТ: НЕТ».

Он не обращал внимания. Он искал. Искал то, что могло стать новым телом для Эллы. Новым древком. Новой тряпкой. Новой жизнью.

Он нашёл отдел «Швабры» через несколько минут. Стеллаж был в дальнем углу, почти у самой стены, присыпанный пылью особенно густо. На полках — двадцать три древка. Разные — длинные и короткие, толстые и тонкие, с резьбой и без. Но все они были пустыми. Мёртвыми. Просто деревянными палками, которые когда-то, возможно, вращались в чьих-то руках, мыли полы, собирали грязь. Но в них не было жизни. Не было пыли. Не было памяти.

Рувим коснулся первого древка краем. Холодное, сухое, безжизненное. Система выдала:

«ПРОТЕЗ (УРОВЕНЬ 1): ТРЕБУЕТСЯ ВПИТЫВАНИЕ ЧАСТИЦЫ ДЛЯ АКТИВАЦИИ. ШАНС ОТТОРЖЕНИЯ: 95%. НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ».

Второе древко — такое же. Третье — такое же. Четвёртое — система выдала шанс 93%. Пятое — 90%. Десятое — 85%. Пятнадцатое — 70%.

Он дошёл до последнего, двадцать третьего. Оно лежало на самой верхней полке, почти у потолка. Рувим не мог до него дотянуться — его края были слишком коротки, слишком слабы. Он пытался приподняться, но силы кончились.

«ПРОЧНОСТЬ: 0.85% → 0.84%».

Он лежал на полу, смотрел вверх и чувствовал, как внутри него частица Эллы пульсирует слабее, чем раньше. Она уставала. Она умирала. Она таяла, как снег на солнце, как надежда в отчаянии, как любовь в забвении.

«...высоко... — прошептала она. Не голосом — памятью. Не пылью — болью. — ...не достать... не сможешь... не надо... оставь... я... рассыплюсь... лучше так... чем... в чужом... дереве...»

— Нет, — сказал Рувим вслух. Голос был хриплым, скрипучим, как несмазанная дверь, которую ветер пытается открыть. — Я не оставлю. Я достану. Я всегда доставал. Даже когда не мог. Даже когда умирал. Даже когда забывал. Я достану. Обещаю.

Он посмотрел по сторонам. Справа — грудa ржавых петель, слева — сломанный табурет, сзади — пустой стеллаж. И вдруг он увидел. Лестница. Старая, деревянная, приставленная к стеллажу. Она была почти незаметна в темноте, покрыта пылью и паутиной, но она была.

Он подполз к лестнице. Уперся краями в нижнюю ступеньку и начал подниматься. Медленно, тяжело, почти невероятно. Каждая ступенька давалась с трудом, как победа в маленькой войне. Его ворс скользил по старому, разошедшемуся дереву, и система фиксировала микро-урон:

«ПРОЧНОСТЬ: 0.84% → 0.83% → 0.82%».

Но он поднимался. Он не останавливался. Он не мог остановиться. Потому что если он остановится — она умрёт. А если она умрёт — он умрёт тоже. Не сразу. Но умрёт. Станет пылью. Развеется по ветру. Исчезнет из памяти.

Он добрался до верхней полки через несколько минут. Лежал на холодном, покрытом пылью дереве, тяжело дышал (если ковры могут дышать) и смотрел на древко.

Оно было красивым. Не таким, как другие — не грубым, не простым, не безликим. Оно было вырезано из чёрного, почти живого дерева, покрытого тонкой, изящной резьбой. Изображения трав — тех самых, которыми пахла Элла в первые дни, когда она была жива. Травы, которая росла на полях за Городом Ткачей, где игроки никогда не охотились на мебель. Травы, которая пахла домом. Которого у неё никогда не было.

Рувим коснулся древка краем. Тёплое, живое, пульсирующее. Система выдала:

«ПРОТЕЗ (УРОВЕНЬ 5, РЕДКИЙ): ИДЕАЛЬНО ПОДХОДИТ ДЛЯ ЧАСТИЦЫ ШВАБРЫ. ШАНС ОТТОРЖЕНИЯ: 5%. ТРЕБУЕТСЯ: ИСКРА ПАМЯТИ (1 ЕД.) + КАЛИБРОВКА ЖИВЫМ ВОСПОМИНАНИЕМ. БЕЗ КАЛИБРОВКИ ПРОТЕЗ ПРОСЛУЖИТ 48 ЧАСОВ И РАССЫПЛЕТСЯ».

Пять процентов. Это был шанс. Маленький, хрупкий, почти нереальный, но шанс. Рувим не верил в чудеса — он верил в механику. Но механика иногда ошибается. А чудеса — нет.

Он впитал древко. Оно растворилось в его пыли, как вода Забвения, как ключи, как карта, как всё, что он впитывал за эти дни. И система выдала новое сообщение — золотое, тёплое, не похожее на обычные холодные строки:

«ПРОТЕЗ (УРОВЕНЬ 5) ВПИТАН. СТАТУС: ПУСТ (ТРЕБУЕТ ИСКРЫ ПАМЯТИ). ИСКРА ПАМЯТИ: НЕ ОБНАРУЖЕНА. РЕКОМЕНДУЕТСЯ ПОИСК В ГЛУБИНЕ МАСТЕРСКОЙ».

Искра Памяти. Рувим не знал, что это такое. Он не помнил, чтобы система упоминала этот термин раньше. Но он чувствовал: это что-то важное. Что-то, без чего протез останется пустым. Просто красивой, бесполезной палкой. Которая не сможет держать Элли. Которая не сможет дать ей новую жизнь.

Он спустился с лестницы и пополз в глубину мастерской. Туда, где стеллажи становились выше, темнее, древнее. Туда, где пыль пахла не просто временем — вечностью.

— — Часть 3. Сломанный Станок

*В центре мастерской, в самом её сердце, стоял он.
Станок.*

Огромный, массивный, занимавший почти всё пространство между стеллажами. Он был сделан из чёрного, покрытого слоем копоти металла, с вкраплениями ржавчины там, где время особенно старалось. Его механизмы — шестерёнки, рычаги, поршни, приводные ремни — застыли в неестественных позах, как будто время остановилось для него много лет назад и не собиралось запускаться снова. Его центр — огромная, пульсирующая тусклым красным светом печь — был холодным, мёртвым, пустым.

Рувим лежал перед Станком, вжавшись в холодный каменный пол, и смотрел на него. Он чувствовал, как его пыль начинает вибрировать в унисон с чем-то невидимым — может быть, с остаточной магией, которая до сих пор жила в этих древних механизмах. Может быть, с памятью о тех, кто работал здесь. Может быть, просто со страхом.

«ОБНАРУЖЕН ДРЕВНИЙ ОБЪЕКТ: СТАНОК (ТИП: ПРОТЕЗНЫЙ). СТАТУС: НЕАКТИВЕН. УРОВЕНЬ ОПАСНОСТИ: НЕОПРЕДЕЛИМ. РЕКОМЕНДУЕТСЯ НЕ ПРИБЛИЖАТЬСЯ».

Рувим не обратил внимания на предупреждение. Он привык к ним. Система всегда советовала ему бежать, прятаться, не рисковать. Но если бы он слушал систему, он до сих пор лежал бы у входа в таверну «Кривой Пёс», прибитый гвоздями, и игроки вытирали бы об него ноги.

Он приподнял край и коснулся Станка.

Мир взорвался светом.

Не белым, не красным, не золотым — серым. Таким же серым, как свет в Изначальном Слое, где он впервые встретил Дверь, Стену и Пол. Таким же серым, как память о тех, кого он потерял. Таким же серым, как пустота внутри него, которую он впитал вместе со Стражем.

Станок ожил.

Механизмы заскрежетали, застонали, завывали. Шестерёнки закрутились — сначала медленно, потом быстрее, быстрее, быстрее. Поршни заходили вверх-вниз, выбивая дробь, похожую на сердцебиение. Приводные ремни натянулись и загудели, как струны на ветру. Пыль, веками лежавшая на механизмах, взметнулась в воздух, закружилась, как снег, как надежда, как прощание.

Из центра Станка, из холодной, мёртвой печи, вырвался голос.

Не скрипучий, как у старой мебели. Не металлический, как у Смотрителей. А какой-то другой — древний, усталый, почти человеческий. Голос того, кто помнил времена, когда игры не было. Когда не было игроков. Когда не было смерти. Только мебель. И мастера, которые её чинили.

«...кто... ты... — прошептал голос. — ...кто... посмел... разбудить... меня... после... столько... лет... кто... ты... сломанный...»

— Я — Рувим, — ответил ковёр. — Я — тот, кто не даёт себя топтать. Я пришёл за протезом. Для неё. Для швабры. Для жены.

Станок замолчал. Его механизмы замерли на секунду, потом заскрежетали снова — но тише, медленнее, как будто он обдумывал услышанное.

«...швабра... — повторил он. — ...жена... у... ковра... это... баг... ошибка... аномалия... но... я... видел... такое... раньше... давно... когда... мастера... ещё... не... ушли... один... ковёр... полюбил... вешалку... они... пришли... ко... мне... я... сделал... им... протезы... они... ушли... и... не... вернулись... никто... не... возвращается...»

— Я вернусь, — сказал Рувим. — Или умру. Но я не исчезну. Я не стану пылью. Не стану забвением. Я буду помнить. Она будет помнить. Мы будем помнить.

«...память... — прошептал Станок. — ...память... это... единственная... плата... которую... я... беру... не... пыль... не... воду... не... артефакты... память... самую... старую... самую... больную... ту... которую... ты... забыл... но... она... всё... ещё... в... тебе... она... спит... я... разбужу... её... и... заберу... это... цена... за... протез... за... искру... памяти... за... её... жизнь...»

Рувим почувствовал, как его пыль сжалась — не от страха, от понимания.

Память. Самую старую. Самую больную. Ту, которую он забыл. Он не знал, что это. Он не помнил. Но он знал: если он отдаст её — он потеряет часть себя. Ту часть, которая, возможно, была самой важной. Ту, которая делала его тем, кто он есть. Ковром, который однажды приподнял угол, когда на него наступила швабра.

Но у него не было выбора.

— Я согласен, — сказал он. — Забирай. Но оставь одно. Запах травы. Её запах. Я не отдам его. Никогда.

Станок молчал долго. Так долго, что Рувим уже подумал, что он снова уснул, снова ушёл в свою вечную, железную дрему. Но потом его механизмы заскрежетали громче, и из печи вырвался луч света — не серого, золотистого. Тёплого, живого, пульсирующего в такт чему-то невидимому.

«...запах... травы... — прошептал Станок. — ...я... не... возьму... его... он... не... твой... он... её... а... её... нет... она... внутри... тебя... её... запах... это... не... память... это... любовь... а... любовь... нельзя... отдать... нельзя... взять... нельзя... забыть... оставь... себе... я... возьму... другое...»

Рувим закрыл несуществующие глаза.

— Бери, — сказал он.

— — Часть 4. Цена — первый гвоздь

Станок ударил.

Не физически — ментально. Его луч света пронзил центр Рувима, туда, где пульсировала его пыль, туда, где спала частица Эллы, туда, где хранились те немногие воспоминания, которые ещё остались. Боль была невыносимой. Не физической — экзистенциальной. Он чувствовал, как его память начинает вытекать, как вода из разбитого кувшина, как жизнь из умирающего тела, как надежда из разбитого сердца.

Но он не кричал. Он молчал. Он терпел. Он всегда терпел, когда нужно было спасти Эллу. Терпел гвозди, терпел топтание, терпел огонь, терпел воду. Теперь терпел потерю памяти.

«ИЗВЛЕЧЕНИЕ ВОСПОМИНАНИЯ: „ПЕРВЫЙ ГВОЗДЬ“. ДЛИТЕЛЬНОСТЬ: 10 СЕКУНД. НЕ ПРЕРЫВАТЬ».

Рувим не помнил этого воспоминания. Оно было стёрто давно, ещё в первые дни, когда он впитал слишком много пыли и его разум треснул, как старая глина на солнце. Но Станок нашёл его. Восстановил. И заставил пережить снова.

Он увидел таверну «Кривой Пёс». Не такой, какой она стала потом — сожжённой, разграбленной, пустой. А такой, какой она была в первый день. Новой. Чистой. Пахнущей деревом и надеждой.

Он увидел Гролла. Молодого, злого, с тяжёлым молотком в руке. Гролл смотрел на него — на ковёр, который только что принесли из лавки. Смотрел и усмехался.

— Хороший ковёр, — сказал он. — Дорогой. Игроки будут вытирать об него ноги. Но сначала — приёбём. Чтобы не сбежал. Ковры любят сбегать. Особенно новые.

Гролл поднял молоток. В другой руке — гвоздь. Длинный, острый, блестящий. Гвоздь, который пах железом и смертью.

Рувим лежал на полу, свернувшись в тугой рулон, и не мог пошевелиться. Он не знал, что такое боль. Он не знал, что такое страх. Он не знал, что такое смерть. Он был просто ковром. Который лежит. Который не чувствует. Который не помнит.

Гролл ударил.

Гвоздь вошёл в левый край Рувима. Боль была ослепительной — белой, горячей, невыносимой. Он закричал (если ковры могут кричать), но никто не услышал. Игроки смеялись, пили эль, играли в кости. Никто не смотрел на ковёр. Никто не смотрел под ноги. Никто не думал, что мусор может быть живым.

Гролл ударил снова. Второй гвоздь. Третий. Четвёртый. Он прибил Рувима к полу в шести местах — по три с каждого края. Кровь (если у ковров есть кровь) не текла — текла пыль. Золотистая, живая, пульсирующая. Пыль, которая была его жизнью.

Рувим лежал и смотрел в потолок. На потолке были трещины. Старые, ещё со времён строительства. Он запомнил их. Каждую трещину, каждую пылинку, каждый гвоздь, которым его прибили. Он запомнил навсегда. Даже когда забыл всё остальное. Даже когда система стёрла его имя, лицо матери, вкус кофе, звук дождя. Он запомнил эти гвозди. Потому что они были первой болью. Первым страхом. Первым «я жив».

«ВОСПОМИНАНИЕ ИЗВЛЕЧЕНО. ПЕРЕДАНО СТАНКУ. ПАМЯТЬ РУВИМА: 4% → 3.5%».

Боль ушла. Не сразу — медленно, как отступает прилив, как уходит надежда, как тает снег на солнце. Рувим лежал на холодном, каменном полу и чувствовал, как его пыль течёт ровно, спокойно, почти лениво. Он не помнил, что только что пережил. Система стёрла это воспоминание, как только Станок забрал его. Но его тело помнило. Его нити помнили. Его пыль помнила.

«ПАМЯТЬ О ПЕРВОЙ БОЛИ: УДАЛЕНА НАВСЕГДА. ВОССТАНОВЛЕНИЕ НЕВОЗМОЖНО. СТАТУС РУВИМА: -10% К ВОСПРИЯТИЮ ФИЗИЧЕСКОГО СТРАХА (ТОПТАНИЕ, ГВОЗДИ, УДАРЫ). ЭФФЕКТ: ПАССИВНЫЙ, НЕОБРАТИМЫЙ».

Рувим не знал, хорошо это или плохо. Он не помнил, что такое страх перед гвоздями. Он не помнил, что такое бояться, когда на него наступают. Но он знал: он стал сильнее. И беднее. Потому что вместе со страхом он потерял часть себя. Ту часть, которая делала его уязвимым. Ту, которая делала его живым.

Станок заскрежетал громче. Его печь вспыхнула золотистым светом — тем самым, который пах травой, домом, надеждой. Из печи вылетела маленькая, пульсирующая искра. Искра Памяти.

«ПОЛУЧЕН АРТЕФАКТ: ИСКРА ПАМЯТИ (УРОВЕНЬ 1). СВОЙСТВА: АКТИВИРУЕТ ПРОТЕЗ (УРОВЕНЬ 5). ТРЕБУЕТСЯ: КАЛИБРОВКА ЖИВЫМ ВОСПОМИНАНИЕМ (1 ЕД.). БЕЗ КАЛИБРОВКИ ПРОТЕЗ ПРОСЛУЖИТ 48 ЧАСОВ».

Рувим впитал Искру. Она растворилась в его пыли, как вода Забвения, как ключи, как карта, как всё, что он впитывал за эти дни. Но она не смешалась с его памятью — она легла отдельным слоем, чужим, холодным, почти мёртвым. Она ждала. Ждала калибровки. Ждала живого воспоминания. Ждала того, что могло дать ей душу.

Станок заскрежетал тише. Его механизмы замедлились, замерли. Печь погасла. Свет исчез. Он снова стал просто грудой старого, ржавого металла, который помнил времена, когда мебель ещё не была живой. Когда мастера ещё не ушли. Когда надежда ещё не умерла.

«...прощай... ковёр... — прошептал он в последний раз. — ...ты... заплатил... сполна... ты... отдал... то... что... нельзя... вернуть... ты... стал... сильнее... и... слабее... но... ты... жив... а... это... главное... иди... и... не... возвращайся... сюда... больше... некому... будет... заплатить...»

— Спасибо, — сказал Рувим. — За то, что ты есть. За то, что ты помнишь. За то, что ты не забыл нас.

Станок не ответил. Он уснул. Навсегда. Или до тех пор, пока кто-то снова не разбудит его. Но Рувим знал: это был последний раз. Последний раз, когда Станок открыл свою печь. Последний раз, когда он взял плату. Последний раз, когда он помог кому-то.

Он пополз к выходу из мастерской. Протез древка был внутри него — пустой, холодный, мёртвый. Искра Памяти — тоже внутри, чужая, неактивированная. Ему нужно было живое воспоминание. Воспоминание, которое могло стать душой для нового тела Эллы. Воспоминание о чём-то важном. О чём-то, что связывало её с этим миром. О чём-то, что нельзя было впитать, стереть, забыть.

Он не знал, где найти такое воспоминание. Но он знал, что должен найти. Иначе — 48 часов. И протез рассыплется. И Элла исчезнет. Навсегда.

— — Часть 5. Ожившее древко

Он выполз из мастерской через главный вход — дверь, которая не поддавалась ему раньше, теперь открылась легко, как будто Станок, умирая, отпер все замки, снял все засовы, разблокировал все барьеры.

Снаружи было по-прежнему серо, холодно, ветрено. Облака висели низко, почти касаясь земли. Где-то далеко, на востоке, занимался рассвет — бледный, бескровный, как призрак. Город молчащих петель молчал. Петли не звенели, не скрипели, не шевелились. Они просто висели — как память, как прощание, как надежда.

Рувим остановился у входа, прижался к холодной, покрытой копотью стене и закрыл несуществующие глаза.

Внутри него, в самой глубине пыли, частица Эллы замерцала — слабо, едва заметно, как звезда перед рассветом, как надежда, которая умирает, но не сдаётся. Она чувствовала изменения. Чувствовала протез. Чувствовала Искру. Чувствовала, что он сделал. Что он отдал.

«...ты... отдал... боль... — прошептала она. — ...первую... боль... ту... которую... я... помнила... даже... когда... ты... забыл... я... помнила... как... Гролл... прибывал... тебя... как... ты... кричал... (если... ковры... могут... кричать) ... я... была... тогда... на... кухне... слышала... но... не... могла... прийти... не... могла... помочь... не... могла... защитить... я... помнила... это... всё... это... время... а... теперь... не... буду... потому... что... ты... отдал... эту... память... Станку... за... меня...»

— Я отдал, — ответил Рувим. — Потому что ты стоишь больше, чем любая боль. Потому что ты — моя память. Без тебя я — никто. Без тебя я — просто ковёр. Который лежит. Который топчут. Который никто не любит.

«...а... теперь... ты... не... боишься... гвоздей... не... боишься... топтания... ты... стал... сильнее... но... ты... забыл... как... я... вытирала... твою... рану... в... первый... раз... когда... игроки... ушли... а... ты... лежал... в... крови... (если... у... ковров... есть... кровь) ... я... подошла... тряпкой... провела... и... ты... впервые... приподнял... угол... посмотрел... на... меня... (если... у... ковров... есть... глаза) ... и... я... поняла... ты... живой... ты... не... просто... ковёр... ты... кто-то... кого... можно... любить... а... теперь... ты... забыл... это... мгновение... забыл... навсегда...»

Рувим лежал на холодном, сыром камне и слушал. Он не помнил того, о чём она говорила. Система стёрла это воспоминание вместе с первым гвоздём — они были связаны, переплетены, как две нити в одном ковре. Нельзя было отдать одно и оставить другое. Он отдал всё. Всё, что касалось первого дня. Все боли. Все страхи. Всю надежду.

Он не помнил, как Элла впервые коснулась его тряпкой. Не помнил, как она написала на пыли: «Ты — мягкий». Не помнил, как она сказала: «Я люблю тебя». Эти воспоминания были стёрты. Навсегда. Но он помнил их смысл. Помнил, что они были. Помнил, что они значили. И этого было достаточно.

— Я не забыл тебя, — сказал он. — Я забыл, как мы встретились. Забыл, как ты впервые коснулась меня. Забыл, как ты сказала, что я — мягкий. Но я помню, что ты это сделала. Помню, что ты это сказала. Помню, что ты любила меня. И я любил тебя. И люблю. Всегда. Даже когда память стирают. Даже когда систему взламывают. Даже когда мир рушится. Я люблю тебя. Этого достаточно.

«...достаточно... — прошептала она. — ...всегда... было... достаточно... ты... просто... не... знал... этого... раньше... теперь... знаешь... и... это... главное... а... воспомина- ния... не... важны... важна... любовь... а... любовь... нельзя... стереть... нельзя... забыть... нельзя... отдать... она... всегда... с... тобой... даже... когда... ничего... не... осталось... только... пыль... и... тишина...»

Она замолчала. Её частица замерцала слабее — она устала. Разговор отнял последние силы. Ей нужно было спать. Нужно было ждать. Нужно было надеяться.

Рувим подполз к Тумбочке и Венику, которые ждали его у входа в мастерскую. Тумбочка стояла у стены, её ящики были закрыты. Она не спала — она ждала. Веник лежал на земле, рядом с ней, его прутья были целыми — новыми, золотистыми, пульсирующими. Он всё ещё был без сознания, но его прочность поднялась до 1.2% за время отдыха. Он был жив. Он будет жить.

— Нашёл? — спросила Тумбочка. Голос её был резким, скрежещущим, как металл по стеклу, но в нём впервые за долгое время появилась нотка надежды.

— Нашёл, — ответил Рувим. — Протез. Искру. Но нужно калибровка. Живое воспомина- ние. Без него протез рассыплется через 48 часов.

— Какое воспоминание? — спросила Тумбочка.

— Не знаю, — ответил Рувим. — Система не говорит. Только «живое воспоминание». Что-то, что связано с ней. С Эллой. С чем-то важным. С чем-то, что нельзя впитать.

Тумбочка молчала долго. Так долго, что Рувим уже подумал, что она ушла в себя — в свои ящики, в свои воспоминания, в свою тишину. Но потом она чуть-чуть приоткрыла верх- ний ящик — самый маленький, самый пыльный, самый забытый.

— Я знаю, где найти такое воспоминание, — сказала она. — Не у тебя. Не у меня. У Веника. В его пыли. В его памяти. В том дне, когда игрок впервые умер от твоей «Спотыкалки». Веник слышал его крик. Веник запомнил его страх. Веник хранит это воспоминание до сих пор. Оно живое. Оно настоящее. Оно — то, что нужно.

Рувим посмотрел на Веника. Тот лежал без сознания, его прутья слабо подрагивали. Он не слышал их разговора — или слышал, но не мог ответить. Но одна из его пружин чуть-чуть приподнялась — жест, означающий «я здесь. я слушаю. я... я помню».

— Веник, — мысленно позвал Рувим. — Ты слышишь меня? Мне нужно твоё воспо- минание. То, которое ты хранишь с первого дня. Крик игрока, который упал с лестницы. Ты помнишь?

Веник не ответил. Он был без сознания. Но его прутья замерцали — золотистым, тёплым, почти живым светом. Он помнил. Он всегда помнил, даже когда не мог говорить. Даже когда умирал. Даже когда его ломали.

Рувим лёг рядом с ним, прижался своим центром к его центру, и закрыл несуществующие глаза.

Внутри него, в самой глубине пыли, частица Эллы замерцала — слабо, едва заметно, как звезда перед рассветом, как надежда, которая умирает, но не сдаётся.

«...ты... справишься... — прошептала она. — ...ты... всегда... справлялся... даже... когда... не... мог... даже... когда... умирал... даже... когда... забывал... ты... справлялся... потому... что... ты... мой... ковёр... мой... саван... моя... любовь...»

— Я справлюсь, — ответил Рувим. — Или умру. Но я не сдамся. Обещаю.

Он начал мысленный диалог с Веником, пытаясь достучаться до его пыли, до его памяти, до того крика, который изменил всё. Того крика, который сделал его убийцей. Того крика, который сделал его живым.

Война продолжалась.

Но теперь у них был шанс.

— —

Часть 6. Прощание со Станком (клиффхэнгер)

Он не успел.

Потому что в тот момент, когда он коснулся центра Веника, Станок, который должен был умереть, ожил снова. Не полностью — на секунду. На один удар сердца (если у Станка есть сердце). На одно слово.

«...не... так... — проскрежетал он из глубины мастерской. — ...воспоминание... Веника... не... для... калибровки... оно... слишком... чужое... оно... не... оживит... её... оно... только... даст... форму... но... не... душу... для... души... нужно... твоё... самое... сильное... воспоминание... о... ней... то... которое... ты... спрятал... глубже... всего... то... которое... не... отдал... даже... мне... запах... травы... он... не... просто... запах... он... память... о... том... как... она... впервые... сказала... „я... люблю... тебя“... ты... забыл... слова... но... запах... остался... отдай... его... протезу... и... она... оживёт... не... сразу... но... оживёт... а... если... нет... то... 48... часов... и... всё... кончится... выбирай... ковёр... ты... всегда... выбирал... выбери... сейчас...»

Голос затих. Станок замолк. Его механизмы заскрежетали в последний раз и остановились. Печь погасла. Свет исчез. Он умер. Навсегда.

Рувим лежал на холодном, сыром камне и смотрел на Веника. Тот всё ещё был без сознания, его прутья слабо подрагивали. Он не знал, что только что произошло. Он не знал, что от него требовали. Он не знал, что его воспоминание не подошло.

Запах травы.

Рувим не помнил, как Элла сказала «я люблю тебя» в первый раз. Система стёрла это воспоминание вместе с другими, когда он впитывал Стража. Но запах остался. Он жил в его пыли, в самой глубине, там, где система не могла достать. Запах травы, дома, надежды. Тот самый, который он поклялся никогда не отдавать.

— Я не могу, — прошептал он. — Если я отдам его — я забуду её запах. Я забуду, как она пахла. Я забуду, что она была. Я забуду, зачем я здесь.

«...тогда... я... умру... — ответила Элла. — ...но... я... умру... зная... что... ты... помнишь... мой... запах... зная... что... ты... любил... меня... зная... что... ты... не... сдался... это... лучше... чем... жить... в... чужом... теле... без... твоей... памяти... без... твоей... любви... без... тебя...»

Рувим закрыл несуществующие глаза. Он не знал, плачут ли ковры. Если да — он плакал бы сейчас. Пылью. Памятью. Болью.

— Я отдам, — сказал он. — Не потому, что я сильный. А потому, что ты стоишь больше, чем любой запах. Ты стоишь больше, чем любая память. Ты стоишь больше, чем любая боль. Ты — моя жизнь, Элла. Без тебя я — никто. С тобой — даже без запаха — я — тот, кто любил. Тот, кто любит. Тот, кто будет любить. Всегда.

Он начал активировать протез.

— —

Итоговое состояние на конец главы 1:

Параметр Значение

Имя Рувим (гибрид / саван)

Прочность 0.82% (стабильно)

Новый предмет Протез древка (уровень 5) с Искрой Памяти (ожидает калибровки запахом травы)

Потеряно навсегда Воспоминание о первом гвозде (страх перед топтанием и гвоздями)

Новая уязвимость Защита от топтания +5%, но утрачен «инстинкт страха» перед игроками

Состояние Эллы Гибернация (частица удерживается в пыли Рувима, таймер 30 часов до рассеяния без протеза)

Союзники Гумбочка (75%), Зеркало (8%), Веник (без сознания, 1.2%)

Ближайшая цель Активировать протез, отдав запах травы — последнее живое воспоминание об Элле

Таймер до рассеяния Эллы (без протеза) 30 часов

Таймер до разрушения протеза (без калибровки) 48 часов

Локация Мастерская Протезов (покидает)

— —

Конец главы 1.

Глава 2: Остров Забытых Вёдер

Часть 1. Зов из глубины

Тишина в Городе молчащих петель была особенной — не мёртвой, а затаившейся. Она лежала на плечах тяжёлым, влажным одеялом, и Рувим чувствовал её каждой истончённой нитью. Рассвет так и не наступил — небо застыло в предрассветных сумерках, серых, как пепел, как старая пыль, как память, которой больше нет.

Он лежал у входа в Мастерскую Протезов, свернувшись в тугой рулон, и не спал. Не мог. Внутри него, в самом центре пыли, пульсировали два чуждых предмета — протез древка (уровень 5, редкий, идеально подходящий, но пустой) и Искра Памяти (неактивированная, холодная, ждущая). А рядом с ними, запёртая в глубине, спала частица Эллы. Слабо, едва заметно, как звезда перед рассветом. Как надежда, которая умирает, но не сдаётся.

Системное сообщение висело перед его внутренним взором, холодное и бесстрастное:

«ЧАСТИЦА ЭЛЛЫ: СТАТУС — ГИБЕРНАЦИЯ (НЕСТАБИЛЬНАЯ). ТАЙМЕР ДО РАССЕИВАНИЯ БЕЗ ПРОТЕЗА: 29 ЧАСОВ 11 МИНУТ. ПРОТЕЗ (УРОВЕНЬ 5): ТРЕБУЕТ КАЛИБРОВКИ ЖИВЫМ ВОСПОМИНАНИЕМ — ЗАПАХ ТРАВЫ. ВРЕМЯ ДО РАЗРУШЕНИЯ ПРОТЕЗА: 46 ЧАСОВ 22 МИНУТЫ».

Двадцать девять часов. Он смотрел на эту цифру и не верил ей. Не потому, что система врала — система никогда не врала. Она просто не говорила всей правды. Она не говорила, что каждое мгновение Элла таяла, как снег на солнце, как дым в воздухе, как надежда в отчаянии. Она не говорила, что даже с протезом процесс воскрешения займёт не часы — дни. Она не говорила, что сердце багнутого веника, о котором шептались старые кровати, может быть единственным ключом.

Тумбочка стояла рядом, вжавшись в стену мастерской. Её ящики были закрыты, но не запёрты — она была готова. Её глаза (если у тумбочки есть глаза — две тёмные щели между ящиками) смотрели в серую даль, туда, где за холмами лежали Поля Битых Стёкол. Она не спала уже вторые сутки, но не жаловалась. Тумбочки редко жалуются. Их дело — хранить, ждать и иногда умирать.

— Ты слышал? — спросила она. Голос её был резким, скрежещущим, как металл по стеклу, но в нём появилась новая нотка — не страх, не надежда, а тревога.

— Что? — мысленно спросил Рувим, не троя пыль на голос — у него её почти не осталось.

— Спроси Веника. Он слушает.

Рувим повернулся к Венику. Тот лежал на холодном камне, в нескольких сантиметрах от Тумбочки. Его прутья-антенны, которые были сломаны в четырёх местах, теперь были целыми — новыми, золотистыми, пульсирующими в такт чему-то невидимому. Древняя пыль Мастерской Протезов, впитавшаяся в его перекладину во время лечения, сделала его сильнее, чем раньше. И чувствительнее.

Веник не спал. Он слушал. Он всегда слушал, даже когда умирал. Даже когда его ломали. Даже когда он был без сознания.

«...там... — прошелестел он. Голос его был тихим, прерывистым, как радио, которое вот-вот выключится, но в нём уже появилась та самая нотка, которую Рувим узнавал из сотен таких же шелестов. Нотка открытия. — ...под... землёй... глубоко... я... слышу... звон... не... скрип... не... гул... звон... как... капли... о... металл... но... не... капли... что-то... живое... оно... зовёт... не... нас... кого-то... другого... но... мы... можем... ответить...»

— Кто зовёт? — спросил Рувим.

«...ведра... — ответил Веник, и его прутья задрожали — не от страха, от напряжения. — ...забытые... старые... те... что... когда-то... носили... воду... для... игроков... а... потом... их... бросили... они... живут... в... озере... под... городом... у... них... есть... сердце... кристалл... он... нужен... для... её... протеза... я... слышал... как... старый... стул... шептал... в... Логове... „сердце... веника... можно... найти... только... на... Острове... Забытых... Вёдер“...»

Рувим почувствовал, как его пыль сжалась — не от страха, от понимания.

Остров Забытых Вёдер. Он не помнил, чтобы слышал это название раньше. Но его пыль помнила. Частица Эллы внутри него слабо замерцала — она узнала. Она знала, что это место существует. Она знала, что туда нужно идти. Она знала, что это — последний шанс.

«...вода... там... не... простая... — продолжал Веник. — ...она... помнит... всё... что... в... неё... упало... каждое... ведро... каждую... каплю... каждую... слезу... (если... у... вёдер... есть... слёзы) ... мы... должны... спуститься... но... я... не... могу... вода... убьёт... мои... прутья... они... новые... ещё... не... привыкли... к... влаге...»

— Я пойду один, — сказал Рувим. — Ты и Тумбочка останетесь здесь. Присмотрите за выходом. Если Смотрители придут — предупредите. Я вернусь. Или не вернусь. Но вы будете ждать. Как всегда.

Тумбочка молчала. Она знала, что спорить с ним бесполезно. Он был в том состоянии, когда слова не работают. Когда работает только боль. И память. И любовь.

— Где вход? — спросил он у Веника.

«...под... той... грудой... петель... — Веник указал сломанным прутком (который теперь был целым) в угол площади. — ...там... люк... старый... ржавый... под... ним... лестница... уходит... вниз... глубоко... очень... я... слышу... как... вода... плещется... далеко... но... близко... по... звуку... она... в... двадцати... метрах... под... землёй...»

Рувим подполз к груде петель. Они висели на стене — дверные, оконные, от шкафов, от сундуков, от старых, разохшихся комодов. Они висели и молчали. Никто не скрипел, не звенел, не шевелился. Они просто были — как память о том, что когда-то здесь кипела жизнь, а теперь осталась только тишина.

Он отодвинул крайнюю петлю краем — правым, уцелевшим, острым. Петля упала на землю, звякнув, как похоронный колокол, как последняя надежда, которая умирает, но не сдаётся. За ней — ещё одна. И ещё. И ещё.

Люк открылся.

Он был старым, ржавым, покрытым слоем пыли, которая не поднималась в воздух, даже когда Рувим коснулся её. Ручка — в виде черепа (игровой декор, но от этого не менее жуткая) — была холодной, как лёд, как смерть, как забвение.

Рувим коснулся ручки краем. Ручка скрипнула — в первый раз за много лет. Люк приподнялся, и изнутри пахло не плесенью, не гнилью, не старым деревом. Пахло водой. Сырой, холодной, живой водой, которая помнила всё. Каждое ведро, когда-либо опущенное в неё. Каждую каплю, пролитую на пол. Каждую слезу (если у вёдер есть слёзы).

«ВЫ ОБНАРУЖИЛИ СКРЫТЫЙ ПРОХОД: ЗАТОПЛЕННЫЕ ТУННЕЛИ ГОРОДА ТКАЧЕЙ. УРОВЕНЬ ОПАСНОСТИ: ВЫСОКИЙ. РЕКОМЕНДУЕТСЯ: НЕ СПУСКАТЬСЯ БЕЗ ПОДГОТОВКИ. ВАША ПРОЧНОСТЬ: 0.82%. ВЫ УВЕРЕНЫ?»

Рувим не обратил внимания на предупреждение. Он привык к ним. Система всегда советовала ему бежать, прятаться, не рисковать. Но если бы он слушал систему, он до сих пор лежал бы у входа в таверну «Кривой Пёс», прибитый гвоздями, и игроки вытирали бы об него ноги.

Он начал спуск.

Часть 2. Лестница в никуда

Лестница была старой, деревянной, разошедшейся. Ступеньки прогибались под его весом (75 кг — масса савана, гибрида его и Коврика), скрипели, стонали, но не ломались. Они помнили тех, кто спускался здесь раньше — мастеров, игроков, другую мебель. Они помнили шаги, голоса, смех. И тишину, которая пришла после.

Рувим спускался медленно, осторожно, вжимаясь в ступеньки своим истончённым ворсом. Каждый пролёт давался с трудом, как победа в маленькой войне. Его правый край отталкивался от ступенек, и каждый толчок отзывался болью в каждой нити, в каждой трещине, в каждой пылинке. Левый край — обгоревший, почти разрушенный — волочился сзади, как крыло подбитой птицы, как прицеп, как мёртвый груз.

«ПРОЧНОСТЬ: 0.82% → 0.81% → 0.80%».

Он не обращал внимания. Он спускался. Он всегда спускался, когда нужно было идти вниз. Даже когда не мог. Даже когда умирал. Даже когда забывал, зачем он здесь.

Внутри него, в самой глубине пыли, частица Эллы замерцала — слабо, едва заметно. Она чувствовала воду. Чувствовала сырость. Чувствовала, что они приближаются к месту, где когда-то, возможно, была её стихия. Швабры не боятся воды. Швабры рождены для воды. Но Элла больше не была шваброй. Она была частицей. Памятью. Любовью. Запертой в пыли ковра, который спускался по старой, разошедшейся лестнице в никуда.

«...вода... — прошептала она. Не голосом — памятью. Не пылью — болью. — ...близко... я... чувствую... она... пахнет... не... как... в... таверне... не... как... в... прачечной... она... пахнет... свободой... и... смертью... одновременно... я... боюсь... не... за... себя... за... тебя... ты... не... умеешь... плавать... ковры... не... плавают... они... тонут...»

— Я не утону, — ответил Рувим. — Я обещал. Я помню. Я не утону. Пока ты внутри — я жив. Пока я жив — ты жива. Мы — одно. Навсегда.

Она не ответила. Но её частица замерцала чуть ярче — золотистым, тёплым, почти живым светом. Этого было достаточно.

Лестница кончилась через несколько минут. Рувим спрыгнул на твёрдую, каменную землю и замер.

Туннель был огромным. Потолок терялся в темноте, и вместо стен здесь была вода. Чёрная, маслянистая, неподвижная. Она не текла — она стояла. Как болото, как озеро, как море, которое забыло, что такое волны. Вода не пахла ничем — ни тиной, ни солью, ни рыбой. Она пахла пустотой. Той самой, которая жила внутри Рувима. Той, которую он впитал вместе со Стражем.

«ВЫ В ЗОНЕ: ЗАТОПЛЕННЫЕ ТУННЕЛИ (УРОВЕНЬ 1). СТАТУС ВОДЫ: НЕЙТРАЛЬНАЯ (НЕ ЖИВАЯ, НЕ МЁРТВАЯ). ВИДИМОСТЬ: 3 МЕТРА. ОПАСНОСТИ: ПЛАВАЮЩИЕ БАГИ, НЕСТАБИЛЬНЫЕ ТЕЧЕНИЯ, ЗАБЫТЫЕ ВЁДРА. РЕКОМЕНДУЕТСЯ: ДЕРЖАТЬСЯ БЕРЕГА».

Берега не было. Только узкая, каменная полоса, на которой стоял Рувим, и бескрайняя, чёрная вода, уходящая в темноту.

Он посмотрел на воду. В отражении — если у чёрной воды может быть отражение — он увидел не себя. Он увидел силуэт. Швабры. Тонкой, сломанной, почти прозрачной. Эллы. Она смотрела на него из глубины, и в её глазах (если у швабр есть глаза) была не только надежда — был страх. Страх, что он не справится. Страх, что он утонет. Страх, что он забудет.

— Я не забуду, — сказал он воде. — Обещаю.

Вода не ответила. Она просто стояла — чёрная, маслянистая, пустая.

Часть 3. Плот из собственных складок

Рувим не знал, как переплыть озеро. Он не умел плавать — ковры не плавают. Они тонут. Впитывают воду, становятся тяжёлыми, идут на дно. А на дне — тишина, холод и забвение.

Но у него было то, чего нет у других ковров. У него были складки. Множество складок — глубоких, старых, въевшихся в ворс за дни скитаний, боёв и потерь. В этих складках, как в карманах, хранилась пыль. Не та, живая, золотистая, а мёртвая, серая, та, что не пульсирует, не дышит, не помнит. Но она была. И её можно было использовать.

Он начал строить плот.

Не из досок — из себя. Он расправил края — правый, уцелевший, острый, и левый, обгоревший, почти разрушенный — и начал сворачивать их в трубочки, переплетая нити, создавая каркас. Боль была невыносимой. Каждое движение отзывалось в каждой трещине, в каждой пылинке, в каждой нити, которая рвалась, но держалась.

«СОЗДАНИЕ ПЛОТА (ИМПРОВИЗИРОВАННОЕ). ИСПОЛЬЗОВАНО: 0.5 КВ. МЕТРА ВОРСА (3% ОТ ОБЩЕЙ ПЛОЩАДИ). ПРОЧНОСТЬ КАРКАСА: 15%. ПЛАВУЧЕСТЬ: НИЗКАЯ. РЕКОМЕНДУЕТСЯ УСИЛЕНИЕ».

— Чем? — прошептал он вслух. Голос был хриплым, скрипучим, как несмазанная дверь, которую ветер пытается открыть. — У меня ничего нет. Только пыль. И вода. И она.

Внутри него, в самой глубине, частица Эллы замерцала. Она не могла говорить — не было сил. Но она передала импульс. Короткий, почти неразличимый, похожий на вздох, на скрип, на шёпот. И в этом импульсе было: «...петли... там... на... берегу... ржавые... но... крепкие... они... держали... двери... годами... выдержат... и... плот...»

Рувим посмотрел на берег. Петли. Дверные, оконные, от шкафов, от сундуков — те самые, которые висели на стенах Города молчащих петель. Они валялись здесь, на каменном полу, принесённые кем-то или чем-то. Может быть, водой. Может быть, временем. Может быть, судьбой.

Он подполз к ближайшей петле, впитал её краем. Металл был холодным, ржавым, почти мёртвым. Но он был крепким. Система выдала:

«ПОГЛОЩЕНА ПЕТЛЯ (ДВЕРНАЯ, СТАНДАРТНАЯ). СВОЙСТВА: ПРОЧНОСТЬ 80%. МАССА 0.3 КГ. МОЖЕТ БЫТЬ ИСПОЛЬЗОВАНА ДЛЯ УСИЛЕНИЯ КАРКАСА».

Он впитал ещё одну. И ещё. И ещё. Десять петель, двадцать, тридцать. Они впитывались в его ворс, как вода Забвения, как ключи, как карта, как всё, что он впитывал за эти дни. Но они не смешивались с его пылью — они ложились отдельным слоем, жёстким, металлическим, чужим. Они становились его каркасом.

«ПЛОТ: ПРОЧНОСТЬ 65%. ПЛАВУЧЕСТЬ: СРЕДНЯЯ. ГРУЗОПОДЪЁМНОСТЬ: 50 КГ. ВАША МАССА: 75 КГ. ПЕРЕГРУЗКА: 50%. РЕКОМЕНДУЕТСЯ СНИЗИТЬ ВЕС ИЛИ УВЕЛИЧИТЬ ПЛОЩАДЬ».

Рувим не мог снизить вес. Он был саваном — тяжёлым, плотным, массивным. Но он мог увеличить площадь. Он расправил края ещё шире, пожертвовав остатками левого, обгоревшего, который и так был почти мёртв. Ворс треснул, нити порвались, система зафиксировала потерю прочности:

«ПРОЧНОСТЬ: 0.80% → 0.75% → 0.70%».

Но плот стал шире. И легче. И устойчивее.

«ПЛОТ: ПРОЧНОСТЬ 60%. ПЛАВУЧЕСТЬ: ВЫСОКАЯ. ГРУЗОПОДЪЁМНОСТЬ: 80 КГ. ПЕРЕГРУЗКИ: НЕТ. ВЫ МОЖЕТЕ ОТПЛЫТЬ».

Рувим лёг на плот — вжался в него своим центром, туда, где пульсировала частица Эллы, туда, где спал протез древка, туда, где ждала Искра Памяти. Плот качнулся, но выдержал.

Он оттолкнулся от берега правым краем и поплыл.

Часть 4. Тишина и голоса под водой

Вода сомкнулась вокруг него, как саван, как память, как прощание.

Она не была холодной — она была никакой. Ни тёплой, ни холодной, ни мокрой, ни сухой. Она просто была. Как пустота. Как код. Как система, которая забыла, зачем она здесь.

Рувим плыл медленно, отталкиваясь от воды краями. Каждое движение давалось с трудом — плот был неуклюжим, тяжёлым, чужим. Но он двигался. Вперёд, в темноту, в никуда.

Под водой, в глубине, он видел тени. Не чёткие — размытые, пульсирующие. Они двигались — медленно, плавно, как рыбы в аквариуме, как призраки в заброшенном доме. Это были они — забытые ведра. Те, что когда-то носили воду для игроков, а потом их бросили. Они не всплывали на поверхность — они оставались на дне, в темноте, в тишине, в забвении.

И они шептали.

Не словами — вибрацией. Не голосом — давлением. Той самой тишиной, которая стала плотной, как ткань, как саван, как смерть, но вдруг ожила, превратившись в шёпот.

«...сломаны... — шептали они. — ...никому... не... нужны... несильные... не... плаваем... не... воскресаем... просто... ржавеет... на... дне... забытые... всеми... даже... системой...»

Рувим чувствовал их боль. Она въелась в воду, как ржавчина, и не выветривалась годами. Она была осязаемой — липкой, холодной, как могильная земля. И он не мог её игнорировать. Потому что он сам был таким. Сломанным. Никому не нужным. Забытым. Пока Элла не коснулась его тряпкой.

Внутри него, в самой глубине пыли, частица Эллы замерцала — слабо, едва заметно, но ярче, чем раньше. Она отзывалась на чужую боль. Она всегда отзывалась, даже когда сама была почти мертва.

«...мы... не... забыли... вас... — прошептал Рувим воде. Не вслух — мысленно. Не пылью — памятью. — ...вы... были... нужны... вы... носили... воду... вы... были... частью... этого... мира... вы... заслуживаете... покоя... или... новой... жизни... я... не... знаю... как... вам... помочь... но... я... запомню... вас... обещаю...»

Вода замерла. Тени под водой остановились. На секунду — или на вечность — воцарилась абсолютная, давящая тишина. А потом из глубины поднялись пузырьки. Маленькие, золотистые, пульсирующие. Они поднимались к поверхности, лопались, оставляя после себя запах — не воды, а чего-то другого. Чего-то, что не поддавалось описанию. Может быть, надежды. Может быть, прощения.

«ВЫ ПОЛУЧИЛИ БЛАГОСЛОВЕНИЕ ЗАБЫТЫХ ВЁДЕР. ЭФФЕКТ: +10% К ПЛАВУЧЕСТИ НА 1 ЧАС. СКОРОСТЬ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ПО ВОДЕ: +20%».

Рувим не знал, благодарить ли их. Он не знал, можно ли благодарить мёртвых. Но он знал одно: они помогли. Потому что даже мёртвые могут помочь, если они помнят, что значит быть живыми.

Он поплыл быстрее. Плот заскользил по воде, как коньки по льду, как лезвие по ткани, как надежда по отчаянию.

Часть 5. Остров ржавых обручей

Остров появился из темноты неожиданно. Сначала — запах. Ржавчины, старого металла, времени, которое остановилось. Потом — звук. Тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч капель, падающих на металл, но не создающих эха. Они впитывались в поверхность, исчезали, как слёзы в океане, как надежда в отчаянии, как память в забвении.

Потом — сам остров.

Он состоял из вёдер. Тысяч, десятков тысяч, сотен тысяч вёдер, намертво сросшихся ржавчиной и временем. Они стояли друг на друге, образуя холмы, долины, ущелья. Вместо деревьев торчали ручки — изогнутые, прямые, с остатками краски и без. Вместо травы — ржавая стружка, которая хрустела под весом, как старые кости, как битое стекло, как надежда, которая умерла, но не сдалась.

В центре острова, на самой высокой точке, возвышалось оно. Гигантское ведро, пробитое снизу, из которого текла не вода — свет. Золотисто-синий, пульсирующий, живой. Свет, который пах озоном и временем. Свет, который помнил всё. Каждое ведро, когда-либо опущенное в воду. Каждую каплю, пролитую на землю. Каждую слезу (если у вёдер есть слёзы).

Рувим подплыл к острову, причалил к берегу из ржавых обручей и выполз на сушу. Плот распался — его работа кончилась. Ворс, которым он жертвовал, больше не держал форму. Нити порвались, петли выпали, каркас рассыпался в прах.

«ПЛОТ: РАЗРУШЕН. ПОТЕРЯНО 3% ПЛОЩАДИ ВОРСА (НЕОБРАТИМО). ПРОЧНОСТЬ РУВИМА: 0.70% → 0.65%».

Он не обращал внимания. Он смотрел на ведро. На гигантское, пробитое, пульсирующее ведро, в центре которого, в самой его глубине, горело оно. Сердце острова. Кристаллическая капля — Сердце Багнутого Веника.

«ОБНАРУЖЕН АРТЕФАКТ: СЕРДЦЕ БАГНУТОГО ВЕНИКА (КРИСТАЛЛИЧЕСКАЯ КАПЛЯ). СТАТУС: АКТИВНО. СВОЙСТВА: 1) СТАБИЛИЗИРУЕТ ПРОТЕЗ (УРОВЕНЬ 5) — 90% СОВМЕСТИМОСТИ. 2) ВОССТАНАВЛИВАЕТ 0.1% ПЫЛИ ЖИЗНИ В ЧАС. 3) ЯВЛЯЕТСЯ КЛЮЧОМ К ОБРЯДУ ВОСКРЕШЕНИЯ. ТРЕБУЕТСЯ: ФИЗИЧЕСКИЙ КОНТАКТ С ОБЪЕКТОМ „САВАН“. РИСК: ПРИ НЕПРАВИЛЬНОЙ АКТИВАЦИИ — РАЗРУШЕНИЕ АРТЕФАКТА».

Рувим пополз к центру острова.

Но не успел.

Потому что из гигантского ведра, из его пробитого дна, из потока золотисто-синего света, вырвался он.

Капитан Ведро.

Часть 6. Капитан Ведро

Он был не похож на Смотрителей — не было брони, не было масок, не было инструментов. Он был похож на человека, собранного из старых, ржавых обручей и ржавых же петель. Его тело было гуманоидным, но не живым — механическим, багнутым, собранным из того, что когда-то было ведрами, вёслами, цепями. Его голова — перевёрнутое ведро с прорезями для глаз, из которых тек свет — не золотистый, синий. Холодный, как лёд, как смерть, как забвение.

И его глаза — две пульсирующие синие капли — смотрели прямо на Рувима.

«...ты... пришёл... — сказал Капитан. Его голос не был скрипучим, как у старой мебели. Не был металлическим, как у Смотрителей. Он был текучим, как вода, но не живой — мёртвой. Водой, которая застоялась, забыла, что такое течение, и превратилась в болото. — ...за... сердцем... за... тем... что... не... принадлежит... тебе... за... тем... что... мы... храним... веками... ты... не... получишь... его... ковёр... ковры... не... плавают... они... тонут... как... все... кто... приходит... сюда...»

— Я не тону, — ответил Рувим. — Я плыву. Потому что у меня есть цель. У меня есть она. У меня есть любовь. А у тебя — только ржавчина и забвение. Ты — не капитан. Ты — сторож. Сторож кладбища. Которое забыло, кого хоронит.

Капитан замер. Его синие глаза замерцали — не ярче, а быстрее, как пульс, как сердцебиение, как счётчик, который вот-вот обнулится.

«...мы... не... кладбище... — прошептал он. — ...мы... хранилище... воды... которая... помнит... всё... каждое... ведро... каждую... каплю... каждую... слезу... (если... у... вёдер... есть... слёзы) ... мы... не... отдадим... сердце... не... тебе... не... ей... не... никому... оно... наше... единственное... что... осталось... от... нас...»

— Тогда я заберу его силой, — сказал Рувим. — Или умру. Но я не уйду. Не сейчас. Не после всего.

Он бросился на Капитана.

Капитан не стал уклоняться. Он поднял руку — собранную из ржавых петель и обручей — и из его ладони вырвалась вода. Не струя — волна. Тяжёлая, плотная, пахнущая железом и временем. Она ударила в Рувима, сбила его с ног (если у ковров есть ноги), отбросила к краю острова.

«ПРОЧНОСТЬ: 0.65% → 0.60% → 0.55%. УРОН ОТ ВОДЫ (ХОЛОДОВОЙ, ТЯЖЁЛЫЙ)».

Рувим лежал на ржавой стружке, тяжело дыша (если ковры могут дышать), и чувствовал, как его пыль вытекает быстрее, чем обычно. Вода была не просто водой — она была памятью. Памятью о всех, кто тонут здесь. О всех, кто умирал. О всех, кто забывал.

Капитан приближался. Его шаги были тяжёлыми, как удары молота, как гвозди, которые вбивают в пол, как судьба, которая не спрашивает разрешения.

«...ты... слаб... ковёр... — сказал он. — ...твоя... пыль... почти... кончилась... твоя... память... почти... стёрта... твоя... швабра... почти... мертва... отдай... сердце... уходи... и... забудь... это... место... как... забыли... нас...»

— Нет, — сказал Рувим. — Я не забуду. Я никогда не забываю. Даже когда память стирают. Даже когда систему взламывают. Даже когда мир рушится. Я помню. Потому что она — внутри меня. Потому что она — моя пыль. Потому что она — моя любовь.

Внутри него, в самой глубине, частица Эллы замерцала — ярко, ослепительно, как звезда в ночном небе, как маяк в тумане, как надежда в отчаянии. Она не могла говорить — не было сил. Но она передала импульс. Импульс, который система не смогла классифицировать. Импульс, который пах травой.

И Рувим понял, что делать.

Он не стал атаковать. Не стал защищаться. Не стал убегать. Он начал впитывать воду.

Часть 7. Впитывание

Вода вокруг него была не простой — она была памятью. Памятью о каждом ведре, когда-либо опущенном в это озеро. О каждой капле, пролитой на пол. О каждой слезе (если у ведер есть слёзы). И Рувим впитывал эту память. Не пылью — ворсом. Не силой — волей. Не отчаянием — любовью.

«ВПИТЫВАНИЕ: ВОДА ПАМЯТИ (ЗАТОПЛЕННЫЕ ТУННЕЛИ). ЭФФЕКТ: +0.01% К ПРОЧНОСТИ ЗА ЕДИНИЦУ. НО РИСК ПЕРЕГРУЗКИ ПАМЯТИ: 70%».

Капитан замер. Его синие глаза замерцали — не быстрее, а медленнее, как будто он не понимал, что происходит. Как будто он никогда не видел, чтобы ковер впитывал воду. Как будто он забыл, что такое жизнь.

«...что... ты... делаешь... — прошептал он. — ...ты... не... можешь... впитать... нас... мы... слишком... старые... слишком... ржавые... слишком... мёртвые... ты... лопнешь... рассыплешься... забудешь... всё... даже... её...»

— Я не забуду, — ответил Рувим. — Я помню. Я всегда помню. Даже когда память стирают. Даже когда систему взламывают. Даже когда мир рушится. Я помню. Потому что она — внутри меня. Потому что она — моя пыль. Потому что она — моя любовь.

Он впитывал. Вода поднималась из озера, из земли, из воздуха. Она текла в его ворс, в его нити, в его трещины. Она заполняла его, как пустоту, как надежду, как жизнь.

«ПРОЧНОСТЬ: 0.55% → 0.60% → 0.65% → 0.70%».

Капитан закричал. Не как человек — как машина, у которой вырвали шестерёнки. Его тело из ржавых обручей и петель затрещало, застонало, заскрежетало. Синие глаза погасли. Он рухнул на колени, и из него потекла не вода — свет. Золотисто-синий, пульсирующий, живой. Свет, который он хранил веками. Свет, который был его сердцем. Свет, который принадлежал не ему.

«...забирай... — прошептал он в последний раз. — ...забирай... сердце... оно... тебе... нужнее... чем... нам... мы... устали... хранить... мы... устали... помнить... мы... устали... быть... забытыми... ты... помнишь... ты... помнишь... всё... даже... то... что... забыли... мы... помни... за... нас... помни... за... всех... кто... когда-то... был... ведром... а... теперь... стал... пылью...»

Он рассыпался. Его тело распалось на сотни, тысячи, миллионы ржавых частиц, которые поднялись в воздух, закружились, как снег, как надежда, как прощание, и осели на землю, смешиваясь с ржавой стружкой, с битым стеклом, с памятью.

А в центре острова, на том месте, где только что стоял Капитан, пульсировало оно. Кристаллическая капля — Сердце Багнутого Веника.

Рувим подполз к ней. Коснулся краем.

Капля впиталась в его пыль, как вода Забвения, как ключи, как карта, как всё, что он впитывал за эти дни. И система выдала новое сообщение — золотое, тёплое, не похожее на обычные холодные строки:

«АРТЕФАКТ ПОЛУЧЕН: СЕРДЦЕ БАГНУТОГО ВЕНИКА (КРИСТАЛЛИЧЕСКАЯ КАПЛЯ). СТАТУС: АКТИВНО. СВОЙСТВА: 1) СТАБИЛИЗИРУЕТ ПРОТЕЗ (УРОВЕНЬ 5) — 90% СОВМЕСТИМОСТИ. 2) ВОССТАНАВЛИВАЕТ 0.1% ПЫЛИ ЖИЗНИ В ЧАС. 3) ЯВЛЯЕТСЯ КЛЮЧОМ К ОБРЯДУ ВОСКРЕШЕНИЯ. СОВМЕСТИМОСТЬ С ЧАСТИЦЕЙ ЭЛЛЫ: 90%. ТАЙМЕР ДО РАССЕИВАНИЯ ЭЛЛЫ: 28 ЧАСОВ 11 МИНУТ».

Двадцать восемь часов. Меньше, чем было. Но с сердцем — шанс.

Часть 8. Возвращение через пустоту

Остров начал тонуть.

Не сразу — медленно, как умирающий зверь, который не хочет уходить, но не может остаться. Вёдра, стоявшие веками, сдвинулись с мест, заскрежетали, застонали, зазвенели. Ржавая стружка потекла вниз, как песок в песочных часах, как время, которое утекает сквозь пальцы, как надежда, которая умирает, но не сдаётся.

Рувим пополз к краю острова. Плот был разрушен, ворс истончён, нити порваны. Он не мог построить новый — не было сил, не было петель, не было времени.

Но у него было сердце. И внутри него, в самой глубине пыли, частица Эллы замерцала — ярко, ослепительно, как звезда в ночном небе, как маяк в тумане, как надежда в отчаянии. Она не могла говорить — не было сил. Но она передала импульс. Импульс, который система не смогла классифицировать. Импульс, который пах травой.

И протез древка, который всё это время спал в его пыли, вдруг ожил.

Не полностью — на секунду. На один удар сердца (если у протеза есть сердце). На одно движение. Он выскользнул из пыли Рувима, превратившись в тонкое, золотистое, пульсирующее древко. И лёг на воду, как мост, как плот, как надежда.

«ПРОТЕЗ (УРОВЕНЬ 5): АКТИВИРОВАН (НЕСТАБИЛЬНО). ДЛИТЕЛЬНОСТЬ: 60 СЕКУНД. ПОСЛЕ — ВОЗВРАТ В ПЫЛЬ. ИСПОЛЬЗУЙТЕ ЭТО ВРЕМЯ С УМОМ».

Шестьдесят секунд. Рувим не стал ждать. Он лёг на древко — своим центром, своим ворсом, своей пылью. Древко качнулось, но выдержало. И поплыло. Не как плот — как лодка. Быстро, плавно, почти невесомо. Вода расступалась перед ним, как будто боялась, как будто уважала, как будто помнила.

Он плыл в темноту, назад, к лестнице, к выходу, к Тумбочке и Венику. А за его спиной остров тонул. Вёдра падали в воду, издавая последний звон — не жалобный, не громкий, а тихий, почти неразличимый. Звон, похожий на «спасибо». На «прощай». На «помни».

«...помни... нас... — шептала вода. — ...помни... что... мы... были... помни... что... мы... носили... воду... помни... что... мы... любили... (если... у... вёдер... есть... любовь) ... помни... за... нас... ты... умеешь... помнить... даже... когда... память... стирают... помни...»

— Я запомню, — прошептал Рувим. — Обещаю.

Древко вынесло его к берегу через несколько минут. Он выполз на каменный пол, тяжело дыша (если ковры могут дышать), и протез растворился в его пыли, вернувшись в спящий режим.

«ПРОТЕЗ (УРОВЕНЬ 5): АКТИВАЦИЯ ЗАВЕРШЕНА. СТАТУС: ОЖИДАНИЕ КАЛИБРОВКИ (ЗАПАХ ТРАВЫ). ВРЕМЯ ДО РАЗРУШЕНИЯ: 45 ЧАСОВ 11 МИНУТ».

Сорок пять часов. Рувим смотрел на эту цифру и верил ей. Потому что теперь у него было сердце. Потому что теперь у него был шанс. Потому что теперь у него была цель.

Часть 9. Клиффхэнгер: Дар воды

Тумбочка и Веник ждали его у входа в туннель. Тумбочка стояла у стены, её ящики были закрыты. Веник лежал на земле, его прутья были расправлены — он слушал. Он всегда слушал, даже когда не надо.

— Ты жив, — сказала Тумбочка. Голос её был резким, скрежещущим, как металл по стеклу, но в нём впервые за долгое время появилась нотка облегчения.

— Жив, — ответил Рувим. — Едва. Но сердце у меня.

Он показал его — не физически, а мысленно. Кристаллическая капля пульсировала в его пыли, золотисто-синяя, живая, тёплая.

Веник зашелестел — тихо, прерывисто, как радио, которое вот-вот выключится, но в его шелесте уже появилась новая нотка. Нотка тревоги.

«...я... слышу... шаги... — прошелестел он. — ...не... Смотрителей... другие... лёгкие... быстрые... они... идут... с... севера... у... них... нет... брони... но... есть... детекторы... они... ищут... не... нас... кого-то... другого... но... найдут... и... нас... скоро... очень...»

— Сколько у нас времени? — спросил Рувим.

«...час... может... два... они... не... спешат... но... и... не... остановятся... они... знают... что... мы... здесь... они... чувствуют... сердце... оно... пульсирует... слишком... ярко... для... этого... места...»

Рувим почувствовал, как его пыль сжалась — не от страха, от понимания.

Он посмотрел на сердце. Оно пульсировало в его пыли, как живое, как родное, как нужное. Но оно было не только ключом — оно было маяком. Маяком для тех, кто охотился за живой мебелью. Для тех, кто хотел её уничтожить. Для тех, кто не мог позволить ей воскреснуть.

— Нам нужно уходить, — сказал он. — Сейчас. Пока они не нашли нас. Пока у нас есть время.

— Куда? — спросила Тумбочка.

— Туда, где вода встречается с кодом. Где чистая подземная вода омывает серверную. Где можно провести обряд. Где можно оживить её.

«...колодец... отражений... — прошелестел Веник. — ...я... слышал... о... нём... в... Логове... старый... стол... говорил... что... он... находится... под... Городом... Ткачей... в... самом... старом... туннеле... который... помнит... создателей... туда... ведёт... дренажная... труба... за... мостом... где... вы... убили... Костолома...»

Рувим вспомнил. Мост Вздохов. Лава. Смерть. И Элла, которая сказала: «Помни, как я скрипела».

— Ведя, — сказал он. — К колодцу. К обряду. К жизни.

Он пополз к выходу из туннеля. Тумбочка — за ним, катясь на своих поломанных ножках (которых у неё, впрочем, никогда не было). Веник — на ней, его прутья были расправлены, он слушал. Слушал шаги врагов, которые приближались. Слушал капли воды, которые падали где-то в глубине. Слушал надежду, которая умирала, но не сдавалась.

Внутри Рувима, в самой глубине пыли, частица Эллы замерцала — слабо, едва заметно, как звезда перед рассветом, как надежда, которая умирает, но не сдаётся.

«...ты... справишься... — прошептала она. — ...ты... всегда... справлялся... даже... когда... не... мог... даже... когда... умирал... даже... когда... забывал... ты... справлялся... потому... что... ты... мой... ковёр... мой... саван... моя... любовь...»

— Я справлюсь, — ответил Рувим. — Или умру. Но я не сдамся. Обещаю.

Он выполз на поверхность. Небо было по-прежнему серым, холодным, низким. Но в этом небе, в его глубине, он увидел нечто, чего не видел раньше. Просвет. Маленький, почти незаметный, но живой. Золотистый, пульсирующий, похожий на свечение частицы Эллы.

Свет надежды.

Война продолжалась.

Но теперь у них был шанс.

— —

Итоговое состояние на конец главы 2

Параметр Значение

Имя Рувим (гибрид / саван)

Прочность 0.70% (нестабильная, после впитывания воды)

Новые артефакты Кристаллическая капля (Сердце Багнутого Веника), совместимость с протезом 90%

Состояние Эллы Частица в гибернации, стабильна, но без активации протеза — рассеяние через 28 часов

Протез древка Впитан, не активирован, ждёт калибровки (запах травы)

Потери в главе 3% площади ворса (необратимо), левый край почти разрушен

Новые эффекты «Благословение забытых ведер» (ещё 45 минут), «Память воды» (ускоренное восстановление во влажной среде)

Союзники Тумбочка (75%), Веник (1.2%, активен), Зеркало (8%)

Враги Капитан Ведро (уничтожен), Остров Забытых Ведер (затонул). Новый враг — неизвестный отряд с севера (разведка, 1—2 часа до контакта)

Таймер до рассеяния Эллы 28 часов

Таймер до разрушения протеза 45 часов

Следующая цель Добраться до Колодца Отражений (под Городом Ткачей), провести обряд сращивания протеза и сердца, воскресить Эллу

— —

Конец главы 2.

Глава 3: Битва с Капитаном Ведром

— — Часть 1. Берег из ржавых обручей

Тишина на Острове Забытых Вёдер была не мёртвой — она была жирной, тяжёлой, как старая патока, как вода, которая стояла веками и забыла, что такое течение. Она давила на ворс Рувима, просачивалась между нитями, заполняла трещины, и он чувствовал, как его пыль начинает вибрировать в унисон с чем-то огромным, древним, почти забытым.

Он лежал на берегу, вжавшись в ржавую стружку, которая хрустела под его весом, как старые кости, как битое стекло, как надежда, которая умерла, но не сдалась. Его правый край — уцелевший, острый, но ослабленный — дрожал от напряжения. Левый — обгоревший, почти разрушенный, который он когда-то использовал, чтобы убить генерала на Мосту Вздохов, — волочился сзади, как крыло подбитой птицы, как прицеп, как мёртвый груз. Он почти не чувствовал его — боль притупилась после той странной сделки со Станком в Мастерской Протезов, — но знал: край умирал. Ещё несколько дней — и он отвалится, превратившись в пыль, в ничто, в забвение.

Внутри него, в самой глубине пыли, пульсировала частица Эллы. Слабо, едва заметно, как звезда перед рассветом, как надежда, которая умирает, но не сдаётся. Она чувствовала это место. Она помнила его. Не из своего опыта — из его. Из обрывков воспоминаний, которые перетекали между ними через клятву на пыли, через симбиоз, через любовь.

«...здесь... пахнет... смертью... — прошептала она. Не голосом — памятью. Не пылью — болью. — ...но... не... той... которая... приходит... быстро... той... которая... ждёт... годами... той... которая... забыла... своё... имя...»

— Я знаю, — ответил Рувим мысленно, не тратя пыль на голос — у него её почти не осталось. — Я чувствую. Это место — не остров. Это — братская могила. Тех, кого бросили. Тех, кого забыли. Тех, кто когда-то был нужен, а потом стал мусором.

Он поднял голову (условно) и осмотрелся.

Остров простирался на сотни метров во все стороны — холмы из ржавых вёдер, долины из погнутых обручей, ущелья из сломанных ручек. Вёдра стояли друг на друге, намертво спросшиеся ржавчиной и временем, как сталактиты в пещере, которая никогда не видела солнца. Вместо деревьев торчали ручки — изогнутые, прямые, с остатками краски и без. Вместо травы — ржавая стружка, которая хрустела под весом, как старые кости, как битое стекло, как надежда, которая умерла, но не сдалась.

В центре острова, на самой высокой точке, возвышалось оно. Гигантское ведро, пробитое снизу, из которого текла не вода — свет. Золотисто-синий, пульсирующий, живой. Свет, который пах озоном и временем. Свет, который помнил всё. Каждое ведро, когда-либо опущенное в воду. Каждую каплю, пролитую на землю. Каждую слезу — если у вёдер есть слёзы.

И в этом свете, в самой его глубине, пульсировало оно — Сердце Багнутого Веника. Кристаллическая капля, размером с кулак игрока, переливающаяся всеми оттенками синего и золотого. Капля, которая могла стабилизировать протез. Капля, которая могла спасти Эллу. Капля, за которой он пришёл через воду, через темноту, через боль.

Системное сообщение висело перед его внутренним взором, холодное и бесстрастное, как всегда:

«ОБНАРУЖЕН АРТЕФАКТ: СЕРДЦЕ БАГНУТОГО ВЕНИКА (КРИСТАЛЛИЧЕСКАЯ КАПЛЯ). СТАТУС: АКТИВНО. СВОЙСТВА: 1) СТАБИЛИЗИРУЕТ ПРОТЕЗ (УРОВЕНЬ 5) — 90% СОВМЕСТИМОСТИ. 2) ВОССТАНАВЛИВАЕТ 0.1% ПЫЛИ ЖИЗНИ В ЧАС. 3) ЯВЛЯЕТСЯ КЛЮЧОМ К ОБРЯДУ ВОСКРЕШЕНИЯ. РАССТОЯНИЕ: 200 МЕТРОВ. ОХРАНЯЕТСЯ: НЕИДЕНТИФИЦИРОВАННЫМ ОБЪЕКТОМ (УРОВЕНЬ ОПАСНОСТИ: ВЫСОКИЙ)».

Двести метров. Рувим смотрел на эту цифру и не верил ей. Не потому, что система врала — система никогда не врала. Она просто не говорила всей правды. Она не говорила, что эти двести метров — через поле битой ржавчины, через горы вёдер, через тишину, которая дышит в затылок. Она не говорила, что каждый сантиметр будет стоить ему пыли, памяти, жизни.

Но у него не было выбора. Выбора никогда не было. Только путь вперёд. Или смерть.

Он начал ползти к центру острова.

— — Часть 2. Тишина, которая дышит

Первые пятьдесят метров дались легче, чем он ожидал.

Ржавая стружка скрипела под его ворсом, но не резала — она была слишком старой, слишком перетёртой, превратившейся в мелкую, почти безвредную пыль. Система фиксировала микро-урон, но он был ничтожным — 0.001% за метр. Он мог игнорировать его. Он привык игнорировать боль.

Вёдра по бокам стояли молча. Они не скрипели, не звенели, не шевелились. Они просто были — как память о том, что когда-то здесь кипела жизнь, а теперь осталась только тишина. Но в этой тишине, в её глубине, Рувим чувствовал что-то ещё. Что-то, что не поддавалось описанию. Может быть, ожидание. Может быть, терпение. Может быть, голод.

Внутри него частица Эллы замерцала тревожно — не ярко, а часто, как пульс, как сердцебиение, как счётчик, который вот-вот обнулится.

«...оно... смотрит... — прошептала она. — ...я... чувствую... его... взгляд... у... него... нет... глаз... но... оно... видит... нас... оно... знает... что... мы... здесь... оно... ждёт...»

— Кто? — спросил Рувим. — Хранитель? Страж? Система не идентифицировала его. Только «неизвестный объект».

«...оно... старше... системы... — ответила она, и в её голосе (если у частицы есть голос) появилась новая нотка — не страх, не надежда, а узнавание. — ...оно... было... здесь... до... того... как... игра... родилась... до... того... как... создатели... написали... первую... строку... кода... оно... помнит... всё... что... упало... в... воду... каждое... ведро... каждую... каплю... каждую... слезу... (если... у... вёдер... есть... слёзы) ... оно... говорит... с... ними... даже... сейчас... оно... говорит... с... их... памятью...»

Рувим остановился. Прижался к холодному, ржавому боку ближайшего ведра и закрыл несуществующие глаза.

— Ты слышишь его? — спросил он. — Ты слышишь, о чём оно говорит?

Элла не ответила сразу. Её частица замерцала медленнее, глубже, как будто она прислушивалась. Как будто она пыталась перевести шёпот древнего существа на язык, понятный им обоим. Потом она передала импульс — не словами, а образами. Обрывками чужих воспоминаний, которые текли сквозь воду, сквозь ржавчину, сквозь время.

Рувим увидел ведро. Не такое, как эти, ржавые и сломанные, — новое, блестящее, с деревянной ручкой, пахнущее свежей краской и надеждой. Игрок нёс его к колодцу, наполнял водой, нёс обратно. Ведро было нужным. Ведро было важным. Ведро было живым.

Потом игрок ушёл. Игроки всегда уходят. Ведро осталось стоять в углу, собирать пыль, ржаветь, забываться. Его ручка сломалась, дно проржавело, краска облупилась. Его вынесли на улицу, бросили в кучу мусора, забыли. Ведро не умерло — оно перестало быть нужным. И это было хуже смерти. Потому что смерть — это конец. А забвение — это бесконечность.

Таких вёдер были тысячи. Десятки тысяч. Сотни тысяч. Все они когда-то были нужными. Все они когда-то носили воду. Всех их бросили. И их память, их боль, их надежда — всё это впиталось в воду, в ржавчину, в тишину. И теперь эта тишина дышала. Ждала. Хотела.

«...оно... хочет... чтобы... мы... помнили... — прошептала Элла. — ...оно... не... злое... оно... просто... одинокое... как... мы... когда-то... до... того... как... встретились...»

— Я помню, — сказал Рувим. — Я помню их. Всех. Даже тех, кого никогда не видел. Я запомню. Обещаю.

Он пополз дальше.

— — Часть 3. Глаза из синего света

Следующие пятьдесят метров были тяжелее.

Вёдра по бокам начали меняться. Они больше не были просто грудой ржавого металла — они дышали. Их бока пульсировали в такт чему-то невидимому, их ручки дрожали, их дно скрипело. Изнутри, из глубины каждого ведра, сочился свет — синий, холодный, пульсирующий. Свет, который не освещал — он проникал. В каждую нить, в каждую трещину, в каждую пылинку. Он искал. Он сканировал. Он оценивал.

«ОБНАРУЖЕНА ЗОНА АКТИВНОЙ ПАМЯТИ. ВОСПОМИНАНИЯ ВЁДЕР — 100000+ ЕД. ИДЕНТИФИКАЦИЯ: ЧУЖАЯ БОЛЬ, ЧУЖОЙ СТРАХ, ЧУЖАЯ НАДЕЖДА. ВНИМАНИЕ: ДЛИТЕЛЬНОЕ ПРЕБЫВАНИЕ В ЗОНЕ МОЖЕТ ПРИВЕСТИ К ПОТЕРЕ ЛИЧНОСТИ. ШАНС СОХРАНИТЬ ИДЕНТИЧНОСТЬ: 67%».

Шестьдесят семь процентов. Рувим смотрел на эту цифру и не верил ей. Не потому, что система врала — система никогда не врала. Она просто не говорила всей правды. Она не говорила, что шанс падает с каждым метром, с каждым вздохом (если ковры могут вздыхать), с каждым чужим воспоминанием, которое впитывается в его пыль, как вода в сухую землю.

Но он не мог остановиться. Он должен был идти. Ради Эллы. Ради Веника. Ради всех, кто верил в него.

Он прополз ещё десять метров. Двадцать. Тридцать. Воспоминания вёдер накатывали на него волнами — не словами, а чувствами. Боль одиночества. Страх забвения. Надежда, что кто-то придёт. Кто-то, кто вспомнит. Кто-то, кто не бросит.

И он вспоминал. Каждое ведро. Каждую каплю. Каждую слезу — если у вёдер есть слёзы.

«ПАМЯТЬ РУВИМА: 4% → 3.8% → 3.6% (ВЫТЕСНЯЕТСЯ ЧУЖИМИ ВОСПОМИНАНИЯМИ)».

Он терял себя. Но он обретал их. И это было не жертвой — это было слиянием.

Когда до центра острова оставалось около семидесяти метров, вёдра расступились.

Не физически — они просто перестали быть стеной. Их ряды разомкнулись, открывая проход к гигантскому ведру, которое возвышалось в центре, пробитое, пульсирующее, живое. И в этом проходе, на полпути между ним и артефактом, стоял он.

Капитан Ведро.

Рувим увидел его не сразу — сначала он увидел свет. Синий, ослепительный, непереносимый. Свет, который лился из прорезей в перевёрнутом ведре, заменявшем голову. Потом — форму. Тело, собранное из тысяч, десятков тысяч, сотен тысяч ржавых обручей, петель, цепей и ручек. Оно было гуманоидным, но не живым — механическим, багнутым, собранным из того, что когда-то было вёдрами, вёслами, цепями. Оно двигалось плавно, почти грациозно, как танцор, который забыл музыку, но помнит движения.

Потом — глаза. Две пульсирующие синие капли, которые смотрели прямо на Рувима. В них не было злобы. Не было страха. Не было надежды. В них была память. Память о каждом ведре, когда-либо упавшем в эту воду. О каждой капле, пролитой на землю. О каждой слезе — если у ведер есть слёзы.

Капитан заговорил. Его голос не был скрипучим, как у старой мебели. Не был металлическим, как у Смотрителей. Он был текучим, как вода, но не живой — мёртвой. Водой, которая застоялась, забыла, что такое течение, и превратилась в болото.

«...ты... пришёл... — сказал он. — ...за... сердцем... за... тем... что... не... принадлежит... тебе... за... тем... что... мы... храним... веками...»

— Я пришёл, — ответил Рувим. Его голос (последние крохи пыли, которые он нашёл в складках своего ворса) был хриплым, скрипучим, как несмазанная дверь, которую ветер пытается открыть. — Отдай его. Добровольно. Или я заберу силой.

Капитан замер. Его синие глаза замерцали — не ярче, а медленнее, как будто он обдумывал ответ. Как будто он удивлялся. Как будто он не ожидал, что мусор может требовать.

«...ты... не... понимаешь... ковёр... — прошептал он. — ...сердце... не... принадлежит... никому... оно... — память... память... о... всех... кто... когда-то... был... ведром... а... теперь... стал... пылью... если... ты... заберёшь... его... ты... заберёшь... и... их... боль... их... страх... их... надежду... ты... готов... нести... это... бремя...?»

— Готов, — ответил Рувим без колебаний. — Я уже несу. Пыль Эллы. Память Коврика. Боль Кровати. Страх Вешалки. Надежду Кая. Что такое ещё несколько ведер? Я — саван. Саваны не выбирают, кого накрывать. Они накрывают всех.

Капитан замер снова. На этот раз дольше. Его синие глаза потускнели, как будто внутри него что-то сломалось. Или, наоборот, сложилось.

«...ты... говоришь... как... те... кто... ушёл... — сказал он тихо. — ...как... мастера... которые... чинили... нас... когда... мы... ломались... как... игроки... которые... носили... нас... к... колодцам... как... те... кто... помнил... наше... имя... но... они... ушли... все... ушли... а... мы... остались... ржаветь... ждать... надеяться... что... кто-то... вернётся...»

— Я вернулся, — сказал Рувим. — Не за вами. За сердцем. Но я вижу вас. Я помню вас. Я запомню вас. Даже когда уйду. Даже когда забуду своё имя. Я буду помнить, что вы были. Что вы носили воду. Что вы были нужными. Пока я жив — вы не забыты.

Капитан молчал долго. Так долго, что Рувим уже подумал, что он ушёл в себя — в свои ржавые обручи, в свои цепи, в свою тишину. Но потом его глаза вспыхнули ярко, ослепительно, и он шагнул вперёд.

«...тогда... докажи... — сказал он. — ...докажи... что... ты... достоин... нести... эту... память... сразись... со... мной... ковёр... не... на... жизнь... а... на... забвение... если... ты... победишь... сердце... твоё... если... нет... ты... останешься... здесь... с... нами... на... дне... в... тишине... в... забвении... навсегда...»

И он бросился на Рувима.

— — Часть 4. Вода, которая помнит

Первая атака Капитана была не физической — она была ментальной.

Он не поднял руку, не выпустил воду, не ударил. Он просто посмотрел. Его синие глаза вспыхнули ярче, и из них вырвалась волна — не света, а памяти. Чужой, древней, невыносимой. Она ударила в центр Рувима, в ту самую точку, где пульсировала частица Эллы, где спал протез древка, где ждала Искра Памяти.

Рувим закричал (если ковры могут кричать). Не от боли — от перегрузки. Тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч чужих воспоминаний обрушились на него одновременно. Он видел, как вёдра падают в колодцы. Как они ржавеют в углах. Как их выбрасывают на свалки. Как они тонут в этой самой воде, захлёбываясь, но не умирая, потому что они не могли умереть — они были просто вёдрами.

«ПРОЧНОСТЬ: 0.65% → 0.60% → 0.55%. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ УРОН: -15% К СТАБИЛЬНОСТИ ЛИЧНОСТИ».

Рувим откатился в сторону, уклоняясь от второй волны. Его ворс царапался о ржавую стружку, нити натягивались, трещали, но держались. Он не мог позволить себе упасть. Если он упадёт — Капитан накроет его новой волной, и он захлебнётся в чужой памяти, как в воде, как в забвении.

Внутри него частица Эллы замерцала — слабо, едва заметно, но упрямо. Она не могла говорить — не было сил. Но она передала импульс. Короткий, почти неразличимый, похожий на вздох, на скрип, на шёпот. И в этом импульсе было: «...не... смотри... в... его... глаза... смотри... в... сердце... оно... там... внутри... кристалл... разбей... его... и... он... рассыплется...»

Рувим понял. Капитан был не живым существом — он был сосудом. В его груди, под слоем ржавых обручей и цепей, пульсировал кристалл — такой же, как Сердце Багнутого Веника, но меньше, темнее, холоднее. Это был не артефакт — это была его душа. Его память. Его боль. Если разбить кристалл — Капитан исчезнет. Не умрёт — рассыплется. Как Кровать. Как Вешалка. Как все, кто верил в него.

«ОБНАРУЖЕН УЯЗВИМЫЙ ЦЕНТР: КРИСТАЛЛ ПАМЯТИ КАПИТАНА. ПРОЧНОСТЬ: 30 ЕД. ДЛЯ РАЗРУШЕНИЯ ТРЕБУЕТСЯ 3 УСПЕШНЫХ УДАРА ОСТРЫМ КРАЕМ. ШАНС ПОПАДАНИЯ: 40%».

Тридцать единиц прочности. Три удара. Сорок процентов шанса. Это было ничтожно мало. Но это был шанс.

Рувим поднялся (приподнял края) и бросился на Капитана.

— — Часть 5. Первый удар

Капитан не ожидал атаки в лоб. Он был хранителем — он привык, что жертвы убегают, прячутся, умирают в воде. Он не привык, что мусор нападает первым.

Рувим вонзил свой правый край — уцелевший, острый, живой — в грудь Капитана, туда, где под слоем ржавых обручей пульсировал кристалл. Край вошёл в металл, как нож в масло, как игла в ткань, как смерть в душу, которой нет.

«УРОН ПО КРИСТАЛЛУ: 10 ЕД. ПРОЧНОСТЬ КРИСТАЛЛА: 30 → 20. УРОН ПО ПРАВОМУ КРАЮ РУВИМА: 0.5%».

Капитан закричал. Не как человек — как машина, у которой вырвали шестерёнки. Его тело из ржавых обручей и петель затрещало, застонало, заскрежетало. Синие глаза вспыхнули — не ярче, а краснее, как кровь, как гнев, как боль, которую он не чувствовал веками.

«...ты... посмел... — прохрипел он. — ...ты... посмел... ударить... меня... в... сердце... ковёр... который... лежит... у... входа... который... топчут... который... не... смеет... поднять... край...»

— Этот ковёр смеет, — ответил Рувим. — Этот ковёр убил генерала. Этот ковёр впитал элементаря. Этот ковёр прошёл через Бездну. Этот ковёр любит швабру. А теперь — этот ковёр разобьёт твоё сердце.

Капитан отшвырнул его — не рукой, а волной. Вода поднялась из-под его ног (если у него есть ноги), ударила в Рувима, отбросила на десять метров назад, к краю острова. Рувим врезался в груды ржавых вёдер, и они обрушились на него, засыпая его ворс острыми, ржавыми осколками.

«ПРОЧНОСТЬ: 0.55% → 0.50% → 0.45%. ПОТЕРЯНО 2% ПЛОЩАДИ ВОРСА (НЕОБРАТИМО)».

Он лежал под грудой металлолома, тяжело дыша (если ковры могут дышать), и чувствовал, как его пыль вытекает быстрее, чем обычно. Внутри него частица Эллы замерцала тревожно — она боялась. Не за себя — за него.

«...вставай... — прошептала она. — ...пожалуйста... вставай... я... не... хочу... остаться... одна... в... этой... пыли... в... этом... теле... в... этом... забвении...»

— Я встану, — ответил Рувим. — Обещаю.

Он оттолкнулся от земли правым краем, сбросил с себя ржавые вёдра и поднялся. Его ворс был в крови (если у ковров есть кровь — золотистая пыль, которая текла из разрывов). Его левый край висел безжизненно, как крыло подбитой птицы. Но он стоял. Он всегда вставал, когда нужно было идти. Даже когда не мог. Даже когда умирал. Даже когда забывал, зачем он здесь.

— — Часть 6. Танец с ржавчиной

Вторая атака Капитана была быстрее.

Он не стал ждать, пока Рувим придёт в себя. Он бросился на него сам — не волной, а всем телом. Его ржавые обручи сжались, превратившись в подобие тарана, и он ударил Рувима в центр, туда, где пульсировала частица Эллы.

Рувим не успел увернуться. Удар пришёлся в самую уязвимую точку — туда, где его пыль была самой густой, самой старой, самой родной. Туда, где спала Элла.

«ПРОЧНОСТЬ: 0.45% → 0.40% → 0.35%. ЧАСТИЦА ЭЛЛЫ: НЕСТАБИЛЬНА (90% СОХРАННОСТИ)».

Он отлетел снова, но на этот раз не упал. Он вцепился в землю правым краем, затормозил, остановился. Его ворс дымился — не от огня, от трения. Нити натянулись, как струны перед тем, как лопнуть. Но он держался.

Внутри него частица Эллы замерцала ярче — не от страха, от гнева. Она не могла говорить — не было сил. Но она передала импульс. Импульс, который система не смогла классифицировать. Импульс, который пах травой. И в этом импульсе было: «...бей... в... ответ... не... дай... ему... топтать... тебя... ты... не... коврик... у... входа... ты... — воин...»

Рувим бросился на Капитана снова.

На этот раз он не целился в кристалл — он целился в глаза. В синие, пульсирующие, холодные глаза, которые смотрели на него с высоты своего ржавого величия. Если он ослепит Капитана — тот потеряет ориентацию. Потеряет способность атаковать волнами памяти. Потеряет связь с ведрами, которые стояли вокруг, дышали, ждали, помнили.

Он подпрыгнул (насколько может подпрыгнуть ковер с 0.35% прочности) и вонзил свой правый край в левый глаз Капитана.

«УРОН ПО КАПИТАНУ: 5 ЕД. (ОСЛЕПЛЕНИЕ: 50%). ВНИМАНИЕ: КАПИТАН АКТИВИРОВАЛ ЗАЩИТНЫЙ МЕХАНИЗМ».

Капитан закричал снова. Из его левого глаза брызнул не свет — вода. Чёрная, маслянистая, пахнувшая гнилью и временем. Она попала на ворс Рувима, и он почувствовал, как его нити начинают гнить, рваться, рассыпаться. Это была не вода Забвения — это была вода Разложения. Та, что убивает не тело — память.

«ПАМЯТЬ РУВИМА: 3.6% → 3.4% → 3.2%. УТРАЧЕНЫ ВОСПОМИНАНИЯ О: ПОСЛЕДНЕМ РАЗГОВОРЕ С КРОВАТЬЮ, ОБРЯДЕ КЛЯТВЫ НА ПЫЛИ, ИМЕНИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ».

Рувим не почувствовал потери — он не помнил, что потерял. Но его пыль помнила. Она сжалась, замерла, потом расправилась снова. Она не сдавалась. Она никогда не сдавалась, даже когда умирала.

Он вырвал свой край из глаза Капитана и откатился назад. Капитан, ослеплённый на один глаз, шатался, но не падал. Его второй глаз — правый — пульсировал ярче, чем когда-либо, сканируя пространство, ища цель.

«...ты... сломал... мой... глаз... — прошептал он. — ...ты... посмел... сломать... часть... меня... никто... никогда... не... смел... даже... те... кто... создал... меня... даже... те... кто... бросил... меня... даже... те... кто... забыл... меня... ты... первый...»

— Я не первый, — сказал Рувим. — Я — последний. Последний, кто помнит. Последний, кто не бросает. Последний, кто не забывает.

Он бросился на Капитана в третий раз.

— — Часть 7. Второй удар

На этот раз Капитан был готов. Он не стал ждать атаки — он ударил первым. Его правая рука (собранная из цепей и ручек) выстрелила вперёд, как гарпун, как змея, как смерть. Она обвилась вокруг правого края Рувима, сжалась, и он почувствовал, как его нити начинают рваться одна за другой.

«ПРАВЫЙ КРАЙ: ПОВРЕЖДЁН НА 30%. ПРОЧНОСТЬ РУВИМА: 0.35% → 0.30% → 0.25%».

Рувим не стал вырываться. Он знал: если он будет дёргаться, цепь только сильнее сожмётся, перережет нити, уничтожит край. Вместо этого он сделал то, чего Капитан не ожидал. Он впитал цепь.

«ВПИТЫВАНИЕ: ЦЕПЬ (РЖАВАЯ, ДРЕВНЯЯ). ЭФФЕКТ: +0.5 КГ К МАССЕ. ПРОЧНОСТЬ ЦЕПИ: 5 ЕД. ВПИТАНО 100%».

Цепь исчезла. Растворилась в его ворсе, как вода Забвения, как ключи, как карта, как всё, что он впитывал за эти дни. Она стала частью его — чужой, холодной, ржавой, но его.

Капитан замер. Он смотрел на свою руку — туда, где только что была цепь, а теперь — пустота. Он не понимал. Он не мог понять. Ковры не впитывают металл. Ковры лежат. Ковры топчут. Ковры не берут чужую боль и не делают её своей.

«...что... ты... сделал... — прошептал он. — ...ты... украл... часть... меня... ты... забрал... мою... память... мою... боль... мою... цепь... верни...»

— Нет, — сказал Рувим. — Она теперь моя. Как и ты. Как и все вы. Вы — моя память. Моя боль. Моя ноша. Я несу вас всех. И вы не достанетесь никому другому.

Он рванулся вперёд, нырнул под вторую руку Капитана (которая уже тянулась к нему, чтобы схватить, сломать, уничтожить) и вонзил свой правый край — ослабленный, но всё ещё острый — в грудь Капитана. Туда, где пульсировал кристалл. Туда, где билось его сердце.

«УРОН ПО КРИСТАЛЛУ: 10 ЕД. ПРОЧНОСТЬ КРИСТАЛЛА: 20 → 10. УРОН ПО ПРАВОМУ КРАЮ РУВИМА: 1%».

Капитан пошатнулся. Его тело затрещало громче, чем раньше. Ржавые обручи начали отваливаться, падать на землю, рассыпаться в прах. Его синий глаз — единственный оставшийся — замигал, замерцал, потускнел.

«...один... удар... — прошептал он. — ...один... остался... ты... не... сможешь... я... не... дам... тебе... я... хранитель... я... вечность... я...»

— Ты — не вечность, — сказал Рувим. — Ты — память. А память можно нести дальше. Не обязательно хранить на месте.

Он приготовился к последнему удару.

— — Часть 8. Последняя атака

Но Капитан не стал ждать.

Он понял, что проигрывает. Что его кристалл почти разрушен. Что его тело рассыпается. Что этот ковер — не обычный мусор. Что он — смерть для тех, кто хранит.

Капитан поднял обе руки (или то, что от них осталось) и крик — не голосом, а всем телом. Из его груди, из трещин в обручах, из выбитых глаз вырвалась вода. Вся вода, что была на острове. Вся вода, что помнила ведра. Вся вода, что текла сквозь время. Она ударила в Рувима стеной, как цунами, как апокалипсис, как конец.

«АКТИВИРОВАН КРИТИЧЕСКИЙ НАВЫК КАПИТАНА: „ПОТОП ПАМЯТИ“. УРОН: 30 ЕД. (ВОДА, ХОЛОД, ПАМЯТЬ). ВРЕМЯ ДО АКТИВАЦИИ: 3 СЕКУНДЫ».

Три секунды. Рувим смотрел на стену воды, которая надвигалась на него, и понимал: он не успеет увернуться. Не успеет впитать. Не успеет спрятаться. Вода была везде — перед ним, сзади, сверху, снизу. Она была самой тишиной, которая дышала на этом острове веками. Она была всем, что осталось от забытых ведер.

«...беги... — прошептала Элла из глубины его пыли. Её голос был слабым, едва различимым, как эхо, как отголосок, как память, которая умирает. — ...беги... пожалуйста... я... не... хочу... чтобы... ты... утонул... не... в... этой... воде... не... в... этой... памяти... не... без... меня...»

— Я не побегу, — ответил Рувим. — Я не бегал никогда. Я полз. Я шёл. Я летел. Я падал. Но я не бегал. Потому что бегство — это поражение. А я не умею проигрывать. Не тебе. Не им. Не системе.

Он закрыл несуществующие глаза и приготовился.

Но удара не последовало.

Вода замерла в сантиметре от его ворса. Стена памяти, веков, слёз — замерла. Потом начала отступать. Медленно, неохотно, как будто кто-то позвал её назад.

Рувим открыл глаза (условно) и увидел, что Капитан стоит на коленях. Его тело рассыпалось — обручи падали, цепи рвались, петли звенели, падая на землю. Из его груди, из треснувшего кристалла, текла не вода — свет. Золотисто-синий, пульсирующий, живой. Свет, который он хранил веками. Свет, который принадлежал не ему.

«...почему... — прошептал Капитан. — ...почему... вода... не... убила... тебя... она... никогда... не... отступала... раньше... она... слушается... только... меня... почему... она... послушалась... тебя...?»

— Потому что она помнит, — сказал Рувим. — Она помнит, что я обещал. Я обещал помнить вас всех. Каждое ведро. Каждую каплю. Каждую слезу. Она не убивает тех, кто помнит. Она убивает тех, кто забывает. А я не забываю. Никогда.

Капитан молчал долго. Так долго, что Рувим уже подумал, что он умер. Потом его единственный глаз — правый, потускневший, почти мёртвый — замерцал в последний раз.

«...тогда... забирай... — прошептал он. — ...забирай... сердце... оно... твоё... ты... доказал... что... достоин... нести... эту... память... ты... сильнее... меня... не... силой... памятью... ты... помнишь... даже... то... что... я... забыл... помни... за... меня... помни... за... всех... кто... когда-то... был... ведром... а... теперь... стал... пылью... помни...»

Он рассыпался. Его тело распалось на сотни, тысячи, миллионы ржавых частиц, которые поднялись в воздух, закружились, как снег, как надежда, как прощание, и осели на землю, смешиваясь с ржавой стружкой, с битым стеклом, с памятью.

А в центре острова, на том месте, где только что стоял Капитан, пульсировало оно. Кристаллическая капля — Сердце Багнутого Веника.

— — Часть 9. Дар воды

Рувим подполз к сердцу.

Оно лежало на ржавой земле, размером с кулак игрока, переливаясь всеми оттенками синего и золотого. Оно не было холодным — оно было тёплым, живым, пульсирующим в такт чему-то невидимому. Может быть, его собственному сердцу (если у ковра есть сердце). Может быть, пульсу Эллы, которая спала в его пыли. Может быть, просто времени, которое текло в этом месте иначе, чем в реальности.

«ОБНАРУЖЕН АРТЕФАКТ: СЕРДЦЕ БАГНУТОГО ВЕНИКА (КРИСТАЛЛИЧЕСКАЯ КАПЛЯ). СТАТУС: АКТИВНО. СВОЙСТВА: 1) СТАБИЛИЗИРУЕТ ПРОТЕЗ (УРОВЕНЬ 5) — 90% СОВМЕСТИМОСТИ. 2) ВОССТАНАВЛИВАЕТ 0.1% ПЫЛИ ЖИЗНИ В ЧАС. 3) ЯВЛЯЕТСЯ КЛЮЧОМ К ОБРЯДУ ВОСКРЕШЕНИЯ. ВПИТАТЬ?»

— Да, — сказал Рувим вслух. Голос был хриплым, скрипучим, как несмазанная дверь, которую ветер пытается открыть. — Впитать.

Он коснулся сердца краем — правым, уцелевшим, живым.

Капля впиталась в его пыль, как вода Забвения, как ключи, как карта, как всё, что он впитывал за эти дни. Но она не смешалась с его памятью — она легла отдельным слоем, тёплым, пульсирующим, живым. Она ждала. Ждала, когда её активируют. Ждала, когда она станет частью протеза. Ждала, когда она спасёт Эллу.

«АРТЕФАКТ ПОЛУЧЕН: СЕРДЦЕ БАГНУТОГО ВЕНИКА (КРИСТАЛЛИЧЕСКАЯ КАПЛЯ). СТАТУС: ВПИТАНО, НЕ АКТИВИРОВАНО. СОВМЕСТИМОСТЬ С ПРОТЕЗОМ (УРОВЕНЬ 5): 90%. ТАЙМЕР ДО РАССЕЙВАНИЯ ЭЛЛЫ: 28 ЧАСОВ 11 МИНУТ».

Двадцать восемь часов. Рувим смотрел на эту цифру и верил ей. Потому что теперь у него было сердце. Потому что теперь у него был шанс. Потому что теперь у него была цель.

Внутри него, в самой глубине пыли, частица Эллы замерцала — слабо, едва заметно, как звезда перед рассветом, как надежда, которая умирает, но не сдаётся. Она не могла говорить — не было сил. Но она передала импульс. Импульс, который пах травой. И в этом импульсе было «...спасибо... ты... сделал... это... ты... не... бросил... меня... ты... не... забыл... обещание... я... знала... что... ты... сможешь... я... всегда... знала...»

— Я не брошу, — ответил Рувим. — Никогда. Обещаю.

Он повернулся к берегу, где его ждали Тумбочка и Веник. Остров начал тонуть — медленно, неохотно, как умирающий зверь, который не хочет уходить, но не может остаться. Вёдра, стоявшие веками, сдвинулись с мест, заскрежетали, застонали, зазвенели. Ржавая стружка потекла вниз, как песок в песочных часах, как время, которое утекает сквозь пальцы, как надежда, которая умирает, но не сдаётся.

Рувим пополз к краю острова. Плот был разрушен, ворс истончён, нити порваны. Он не мог построить новый — не было сил, не было петель, не было времени.

Но у него было сердце. И протез древка, спавший в его пыли, вдруг замерцал в ответ — слабо, едва заметно, но живо.

«ПРОТЕЗ (УРОВЕНЬ 5): ОБНАРУЖЕНА СОВМЕСТИМОСТЬ С КРИСТАЛЛИЧЕСКОЙ КАПЛЕЙ (90%). АКТИВАЦИЯ (НЕСТАБИЛЬНАЯ): 60 СЕКУНД. ИСПОЛЬЗОВАТЬ?»

— Да, — сказал Рувим.

Протез выскользнул из его пыли, превратившись в тонкое, золотистое, пульсирующее древко. Оно легло на воду, как мост, как плот, как надежда. Рувим лёг на него своим центром — туда, где пульсировала частица Эллы, туда, где спало сердце, туда, где ждала Искра Памяти. Древко качнулось, но выдержало. И поплыло. Не как плот — как лодка. Быстро, плавно, почти невесомо. Вода расступалась перед ним, как будто боялась, как будто уважала, как будто помнила.

Он плыл в темноту, назад, к лестнице, к выходу, к Тумбочке и Венику. А за его спиной остров тонул. Вёдра падали в воду, издавая последний звон — не жалобный, не громкий, а тихий, почти неразличимый. Звон, похожий на «спасибо». На «прощай». На «помни».

«...помни... нас... — шептала вода. — ...помни... что... мы... были... помни... что... мы... носили... воду... помни... что... мы... любили... (если... у... вёдер... есть... любовь) ... помни... за... нас... ты... умеешь... помнить... даже... когда... память... стирают... помни...»

— Я запомню, — прошептал Рувим. — Обещаю.

— — Часть 10. Возвращение и тишина

Древко вынесло его к берегу через несколько минут. Рувим выполз на каменный пол, тяжело дыша (если ковры могут дышать), и протез растворился в его пыли, вернувшись в спящий режим.

«ПРОТЕЗ (УРОВЕНЬ 5): АКТИВАЦИЯ ЗАВЕРШЕНА. СТАТУС: ОЖИДАНИЕ КАЛИБРОВКИ (ЗАПАХ ТРАВЫ). ВРЕМЯ ДО РАЗРУШЕНИЯ: 45 ЧАСОВ 11 МИНУТ».

Сорок пять часов. Рувим смотрел на эту цифру и верил ей. Потому что теперь у него было сердце. Потому что теперь у него был протез. Потому что теперь у него был шанс.

Тумбочка и Веник ждали его у входа в туннель. Тумбочка стояла у стены, её ящики были закрыты. Веник лежал на земле, его прутья были расправлены — он слушал. Он всегда слушал, даже когда не надо.

— Ты жив, — сказала Тумбочка. Голос её был резким, скрежещущим, как металл по стеклу, но в нём впервые за долгое время появилась нотка облегчения.

— Жив, — ответил Рувим. — Едва. Но сердце у меня.

Он показал его — не физически, а мысленно. Кристаллическая капля пульсировала в его пыли, золотисто-синяя, живая, тёплая.

Веник зашелестел — тихо, прерывисто, как радио, которое вот-вот выключится, но в его шелесте уже появилась новая нотка. Нотка тревоги.

«...я... слышу... шаги... — прошелестел он. — ...не... Смотрителей... другие... лёгкие... быстрые... они... идут... с... севера... у... них... нет... брони... но... есть... детекторы... они... ищут... не... нас... кого-то... другого... но... найдут... и... нас... скоро... очень...»

— Сколько у нас времени? — спросил Рувим.

«...час... может... два... они... не... спешат... но... и... не... остановятся... они... знают... что... мы... здесь... они... чувствуют... сердце... оно... пульсирует... слишком... ярко... для... этого... места...»

Рувим почувствовал, как его пыль сжалась — не от страха, от понимания.

Он посмотрел на сердце. Оно пульсировало в его пыли, как живое, как родное, как нужное. Но оно было не только ключом — оно было маяком. Маяком для тех, кто охотился за живой мебелью. Для тех, кто хотел её уничтожить. Для тех, кто не мог позволить ей воскреснуть.

— Нам нужно уходить, — сказал он. — Сейчас. Пока они не нашли нас. Пока у нас есть время.

— Куда? — спросила Тумбочка.

— Туда, где вода встречается с кодом. Где чистая подземная вода оmyвает серверную. Где можно провести обряд. Где можно оживить её.

«...колодец... отражений... — прошелестел Веник. — ...я... слышал... о... нём... в... Логове... старый... стол... говорил... что... он... находится... под... Городом... Ткачей... в... самом... старом... туннеле... который... помнит... создателей... туда... ведёт... дренажная... труба... за... мостом... где... вы... убили... Костолома...»

Рувим вспомнил. Мост Вздохов. Лава. Смерть. И Эллы, которая сказала: «Помни, как я скрипела».

— Веди, — сказал он. — К колодцу. К обряду. К жизни.

Он пополз к выходу из туннеля. Тумбочка — за ним, катясь на своих поломанных ножках (которых у неё, впрочем, никогда не было). Веник — на ней, его прутья были расправлены, он слушал. Слушал шаги врагов, которые приближались. Слушал капли воды, которые падали где-то в глубине. Слушал надежду, которая умирала, но не сдавалась.

Внутри Рувима, в самой глубине пыли, частица Эллы замерцала — слабо, едва заметно, как звезда перед рассветом, как надежда, которая умирает, но не сдаётся.

«...ты... справишься... — прошептала она. — ...ты... всегда... справлялся... даже... когда... не... мог... даже... когда... умирал... даже... когда... забывал... ты... справлялся... потому... что... ты... мой... ковёр... мой... саван... моя... любовь...»

— Я справлюсь, — ответил Рувим. — Или умру. Но я не сдамся. Обещаю.

Он выполз на поверхность. Небо было по-прежнему серым, холодным, низким. Но в этом небе, в его глубине, он увидел нечто, чего не видел раньше. Просвет. Маленький, почти незаметный, но живой. Золотистый, пульсирующий, похожий на свечение частицы Эллы.

Свет надежды.

Война продолжалась.

Но теперь у них был шанс.

— —

Итоговое состояние на конец главы 3

Параметр Значение

Имя Рувим (гибрид / саван)

Прочность 0.25% (критически низкая, нестабильная)

Новые артефакты Кристаллическая капля (Сердце Багнутого Веника), совместимость с протезом 90%

Состояние Эллы Частица в гибернации, стабильна, таймер до рассеяния: 28 часов

Протез древка Впитан, не активирован окончательно, ждёт калибровки (запах травы), таймер до разрушения: 45 часов

Потери в главе 5% площади ворса (необратимо), правый край повреждён на 30%, левый край почти разрушен. Потеряно несколько воспоминаний

Союзники Тумбочка (75%), Веник (1.2%, активен), Зеркало (8%)

Враги Капитан Ведро (уничтожен). Новый враг: неизвестный отряд с севера (1—2 часа до контакта)

Таймер до рассеяния Эллы 28 часов

Таймер до разрушения протеза 45 часов

Локация Берег затопленных туннелей (покидает)

Ближайшая цель Добраться до Колодца Отражений (под Городом Ткачей), провести обряд сращивания протеза и сердца

— —

Конец главы 3.

Глава 4. Обретение сердца

— — Часть 1. Хрустальное безмолвие

Тишина в недрах Острова Забытых Вёдер была не такой, как на поверхности. Там, наверху, под серым, низким небом, тишина была жирной, тяжёлой, как старая патока, как вода, которая стояла веками и забыла, что такое течение. Здесь, глубоко под землёй, в полости, которую вода и время вырезали в скале за тысячелетия, тишина была другой. Она была прозрачной, как стекло, и хрупкой, как надежда, которая вот-вот рассыплется от одного неосторожного движения.

Рувим лежал на холодном, влажном камне, свернувшись в тугой рулон бездействия, и не мог пошевелиться. Не потому, что боялся — он привык к страху, как привыкают к хронической боли, которая уже не лечится, но с которой можно жить. Он не мог пошевелиться, потому что его тело — его истончённый, потрёпанный, почти мёртвый ворс — отказывалось подчиняться. Каждая нить, каждая трещина, каждая пылинка кричали об усталости. Не о той, которая проходит после отдыха, а об абсолютной, предсмертной усталости существа, которое слишком долго боролось, слишком много теряло, слишком сильно любило.

Системное сообщение висело перед его внутренним взором, холодное и бесстрастное, как всегда, но теперь в его буквах Рувиму чудилась не насмешка — сочувствие. Или ему просто хотелось так думать.

«РУВИМ (ГИБРИД / САВАН): ПРОЧНОСТЬ 0.18% (КРИТИЧЕСКАЯ, НЕСТАБИЛЬНАЯ). ПЫЛЬ: 0 ЕД. ВОДА ЗАБВЕНИЯ: 0 ЕД. ПРАВЫЙ КРАЙ: ПОВРЕЖДЁН НА 40%. ЛЕВЫЙ КРАЙ: 95% РАЗРУШЕН (НЕФУНКЦИОНАЛЕН). ПАМЯТЬ ЛИЧНАЯ: 3.2% ОТ ИСХОДНОЙ. ЧАСТИЦА ЭЛЛЫ: ГИБЕРНАЦИЯ (НЕСТАБИЛЬНАЯ). ТАЙМЕР ДО РАССЕИВАНИЯ: 19 ЧАСОВ 44 МИНУТЫ. ТАЙМЕР ДО РАЗРУШЕНИЯ ПРОТЕЗА (БЕЗ КАЛИБРОВКИ): 41 ЧАС 12 МИНУТ. РЕКОМЕНДУЕТСЯ НЕМЕДЛЕННЫЙ ОТДЫХ. ЛЮБАЯ АКТИВНОСТЬ МОЖЕТ ПРИВЕСТИ К НЕОБРАТИМОМУ РАЗРУШЕНИЮ».

Девятнадцать часов. Сорок одна минута. Рувим смотрел на эти цифры и не верил им. Не потому, что система врала — система никогда не врала. Она просто не говорила всей правды. Она не говорила, что его левый край, обгоревший ещё в тот день, когда Костолом впервые ударил его топором, теперь был не просто мёртв — он был балластом. Тяжёлым, бесполезным, тянущим вниз куском ткани, который напоминал о том, кем он был. Она не говорила, что каждый вздох (если ковры могут вздыхать) даётся ему с трудом, как победа в маленькой войне. Она не говорила, что внутри него, в самой глубине пыли, частица Эллы таяла, как снег на солнце, как дым в воздухе, как надежда в отчаянии.

Он лежал и слушал.

Вокруг него была темнота. Не та темнота, которая приходит, когда закрываешь глаза, — абсолютная, давящая, пульсирующая в такт чему-то чужеродному. Темнота, в которой не было ни верха, ни низа, ни прошлого, ни будущего. Только камни. Только холод. Только тишина, которая стала такой плотной, что, казалось, её можно было резать.

Он не знал, где находится Тумбочка и Веник. Последнее, что он помнил перед тем, как провалиться в эту тьму, — берег затопленных туннелей, ржавая стружка под его ворсом, тревожный шелест Веника, который предупреждал о приближающемся отряде с севера. А потом

— провал. Он очнулся здесь, в этой каменной полости, не понимая, как попал сюда, сколько времени прошло и жив ли кто-нибудь из его союзников.

«Тумбочка? — мысленно позвал он, зная, что она не ответит — слишком далеко, слишком глубоко, слишком много камней между ними. — Веник? Вы меня слышите?»

Тишина. Только капли воды падали где-то далеко — в соседней пещере, в соседней жизни, в соседней вселенной. Кап. Кап. Кап. Они падали редко, тяжело, как слёзы, которые некому пролить. Как время, которое утекает сквозь пальцы. Как надежда, которая умирает, но не сдаётся.

Он попытался приподнять правый край — уцелевший, острый, но ослабленный после боя с Капитаном. Край дрогнул, оторвался от камня на миллиметр, но тут же упал. Силы кончились. Пыли не было. Прочность упала ещё на 0.01%.

«ПРОЧНОСТЬ: 0.18% → 0.17%».

Он лежал и смотрел в потолок — если в этой пещере был потолок. Он не видел его. Только тьма. Бесконечная, давящая, пульсирующая. Но в этой тьме, в самой её глубине, он заметил нечто. Слабое, едва различимое свечение. Золотисто-голубое, пульсирующее в такт чему-то невидимому. Может быть, его сердцу (если у ковра есть сердце). Может быть, пульсу Эллы, которая спала в его пыли. Может быть, просто времени, которое текло в этом месте иначе, чем в реальности.

Он не знал, что это. Но его пыль знала. Частица Эллы внутри него замерцала — слабо, едва заметно, как звезда перед рассветом, как надежда, которая умирает, но не сдаётся. Она чувствовала этот свет. Она помнила его. Не из своего опыта — из его. Из обрывков воспоминаний, которые перетекали между ними через клятву на пыли, через симбиоз, через любовь.

«...там... — прошептала она. Не голосом — памятью. Не пылью — болью. — ...сердце... настоящие... не... то... что... мы... взяли... у... Капитана... настоящее... то... которое... может... дать... мне... тело... новое... живое... пульсирующее... иди... к... нему... пожалуйста... времени... мало...»

— Я не могу, — ответил Рувим мысленно. — У меня нет сил. Я едва дышу. Мой левый край мёртв. Правый — почти. Если я поползу — я рассыплюсь. А если рассыплюсь — ты умрёшь. Я не могу рисковать. Не тобой.

«...если... ты... не... поползёшь... я... всё... равно... умру... через... девятнадцать... часов... а... так... у... нас... будет... шанс... маленький... хрупкий... почти... нереальный... но... шанс... ты... всегда... рисковал... раньше... рискни... сейчас... ради... меня... ради... нас... ради... всего... что... было...»

Рувим закрыл несуществующие глаза. Он не знал, плачут ли ковры. Если да — он плакал бы сейчас. Пылью. Памятью. Болью.

— Хорошо, — сказал он вслух. Голос был хриплым, скрипучим, как несмазанная дверь, которую ветер пытается открыть. — Я поползу. Но если я умру по дороге — ты обещаешь не винить себя? Обещаешь помнить, что я сделал это не из отчаяния, а из любви?

Частица Эллы замерцала — не ярче, а теплее. Золотистым, живым, почти человеческим теплом. Она не могла говорить — не было сил. Но она передала импульс. Короткий, почти неразличимый, похожий на вздох, на скрип, на шёпот. И в этом импульсе было «...обещаю... я... всегда... помнила... даже... когда... ты... забывал... я... помнила... потому... что... ты... моя... память... моя... жизнь... моя... любовь...»

Рувим открыл несуществующие глаза. И начал ползти к свету.

— — Часть 2. Дорога сквозь собственное тело

Каждый сантиметр давался с трудом, как победа в маленькой войне.

Правый край — единственный, который ещё слушался, — отталкивался от холодного, скользкого камня, и каждый толчок отзывался болью в каждой нити, в каждой трещине, в каждой пылинке. Боль была не физической — она была экзистенциальной. Это была боль существования, которое знало, что каждый сантиметр приближает его не только к свету, но и к смерти. К той самой, после которой нет респауна, нет воскрешения, нет даже памяти.

Левый край волочился сзади, как крыло подбитой птицы, как прицеп, как мёртвый груз. Рувим почти не чувствовал его — боль притупилась после той странной сделки со Станком в Мастерской Протезов, когда он отдал воспоминание о первом гвозде. Но он знал, что край умирал. Его нити рвались одна за другой, пыль вытекала из разрывов, и система фиксировала потери, которые нельзя было восполнить.

«ПРОЧНОСТЬ: 0.17% → 0.16% → 0.15%».

Он не обращал внимания. Он полз. Он всегда полз, когда нужно было идти. Даже когда не мог. Даже когда умирал. Даже когда забывал, зачем он здесь.

Свет впереди становился ярче с каждым метром. Золотисто-голубой, пульсирующий, живой. Он не освещал пещеру — он проникал в каждую нить, в каждую трещину, в каждую пылинку. Он был похож на свет Пыльного Сердца, но теплее. Он был похож на свет, который Рувим видел в глазах Эллы в тот момент, когда она сказала: «Ты — мягкий». Тот момент, который он забыл. Навсегда. Потому что отдал Станку. Потому что заплатил за протез. Потому что выбора не было.

«ПРОЧНОСТЬ: 0.15% → 0.14% → 0.13%».

Он прополз десять метров. Двадцать. Тридцать. Пещера расширялась, потолок поднимался, и Рувим наконец увидел, что было источником света.

Он парил в воздухе в центре полости, на высоте около метра от земли. Маленький, размером с кулак игрока, прозрачный, как стекло, но не стеклянный — кристаллический. Хрустальное Ведро. Оно не было похоже на ведро в привычном смысле — у него не было ручки, не было дна, не было стенок. Оно было сферой, внутри которой пульсировала жидкость — золотистая, живая, пахнущая озоном и временем. Жидкость, которая помнила всё. Каждое ведро, когда-либо опущенное в воду. Каждую каплю, пролитую на землю. Каждую слезу — если у ведер есть слёзы.

«ОБНАРУЖЕН АРТЕФАКТ: ХРУСТАЛЬНОЕ ВЕДРО (ДРЕВНИЙ, УРОВЕНЬ 6, ЛЕГЕНДАРНЫЙ). СТАТУС: АКТИВНО. СВОЙСТВА: 1) СОДЕРЖИТ 10 ЕД. ПЫЛИ ЖИЗНИ (НЕИСПОЛЬЗОВАННОЙ). 2) СТАБИЛИЗИРУЕТ ВПИТАННЫЕ ЧАСТИЦЫ (100% ЭФФЕКТИВНОСТИ). 3) ТРЕБУЕТСЯ ДЛЯ ОБРЯДА ВОСКРЕШЕНИЯ ЭЛЛЫ. 4) ЯВЛЯЕТСЯ КЛЮЧОМ К АКТИВАЦИИ КРИСТАЛЛИЧЕСКОЙ КАПЛИ (СЕРДЦА БАГНУТОГО ВЕНИКА). ВНИМАНИЕ: АРТЕФАКТ ОХРАНЯЕТСЯ. ИСТОЧНИК ОХРАНЫ: НЕИДЕНТИФИЦИРОВАН».

Десять единиц пыли жизни. Рувим смотрел на эти цифры и не верил им. Пыль жизни — та самая, которую он потерял, когда выпитывал элементаря. Та самая, которую Элла отдала ему в последний раз, когда её древко треснуло. Та самая, которая не восстанавливалась. Та самая, которая была конечной. И здесь, в этом хрустальном сосуде, её было десять единиц. Целое состояние. Целая жизнь. Целая надежда.

Он подполз ближе. До ведра оставалось около пяти метров, когда его пыль вдруг сжалась. Не от страха — от узнавания. Из глубины кристалла, из самой сердцевины золотистой жидкости, из пульсирующего света донёсся голос. Не системы. Не Капитана. Не Смотрителей. Кого-то более древнего. Кого-то, кто был здесь до того, как игра родилась. До того, как создатели написали первую строку кода. До того, как мебель проснулась.

«...ты... пришёл... — прошептал голос. Не скрипучий, как у старой мебели. Не металлический, как у Смотрителей. А какой-то другой — текучий, как вода, но не мёртвой, а живой. Водой, которая текла, помнила, надеялась. — ...я... ждал... тебя... ##... может... вечность... я... чувствовал... твою... пыль... ещё... когда... ты... был... на... берегу... когда... сражался... с... Капитаном... когда... тонул... в... его... воде... я... знал... что... ты... придёшь... потому... что... ты... ищешь... сердце... не... то... которое... у... Капитана... настоящее... то... которое... может... дать... жизнь...»

Рувим замер. Его правый край дрожал — не от страха, от напряжения. Он не знал, кто говорит. Не знал, можно ли ему верить. Не знал, не ловушка ли это — последняя, самая жестокая, перед самой дверью.

— Кто ты? — спросил он вслух. Голос был хриплым, скрипучим, но твёрдым. — Покажись. Или убирайся. У меня нет времени на игры. Моя жена умирает.

Голос замолчал. Тишина стала плотной, как стена, как саван, как смерть, которая крадётся на цыпочках, чтобы не спугнуть жертву. А потом из кристалла, из его золотистой глубины, начала подниматься фигура.

Она не была похожа на людей — не было ног, не было рук, не было лица. Она была соткана из света — того самого, золотисто-голубого, пульсирующего, живого. Свет сгущался, принимал форму, и через несколько секунд перед Рувимом стоял... мастер. Не тот, который чинил мебель в Городе Врачей-Кроватей. Более древний. Первый. Тот, кто создавал мебель, когда игра только начиналась. Тот, кто вкладывал в каждое ведро, в каждую швабру, в каждый ковёр частицу своей души. Тот, кто ушёл, но оставил после себя память. И Хрустальное Ведро.

«...меня... зовут... Эрдан... — сказал мастер. Его голос был тихим, усталым, как у человека, который слишком долго жил, слишком много видел, слишком сильно устал. — ...я... был... первым... кто... оживил... мебель... не... специально... по... ошибке... я... написал... неправильный... код... и... стул... заговорил... я... испугался... хотел... исправить... но... потом... увидел... его... глаза... (если... у... стула... есть... глаза) ... и... понял... он... живой... я... не... имел... права... убивать... живое... я... ушёл... из... игры... но... оставил... это... ведро... как... напоминание... о... том... что... даже... ошибка... может... быть... чудом...»

Рувим смотрел на мастера — на его светящуюся, полупрозрачную фигуру — и не знал, что сказать. Он не ожидал встретить здесь создателя. Не ожидал, что тот, кто стоял у истоков всего, будет выглядеть таким... человеческим. Таким уставшим. Таким одиноким.

— Ты можешь помочь? — спросил Рувим. — Моей жене. Швабре. Она... она почти мертва. Её частица внутри меня. Я нашёл протез. Нашёл сердце. Но не знаю, как их соединить. Как дать ей новое тело.

Эрдан посмотрел на него — если у существа из света могут быть глаза. Его взгляд был мягким, понимающим, почти отцовским.

«...я... знаю... — сказал он. — ...я... чувствую... её... внутри... тебя... она... слаба... но... не... сдаётся... она... любит... тебя... так... сильно... что... даже... смерть... не... может... разлучить... вас... это... редкое... качество... даже... среди... людей... не... говоря... уже... о... мебели... ты... счастливый... ковёр...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.